

ААРОН

Вероника Мелан

Annotation

Чтобы смыть с тела уродливые, оставшиеся после несчастного случая шрамы на теле, Райне Вильяни требуется омыться в водах странного и труднодостижимого места — озера Дхар. Но добраться туда в одиночку она не в состоянии. Информатор убеждает: «Наймите трех человек — опытного стратега и двух бойцов, — и тогда у вас появится шанс». Райна обретает надежду — публикует объявление, обещает за выполнение работы неограниченный гонорар, ждет заветного звонка, и тот не заставляет себя ждать. Однако сохранится ли надежда стать счастливой, избавившись от увечий, если одним из ее проводников оказывается человек, которого она все это время пыталась забыть и который косвенно повинен в обретении страшных шрамов? Чем обернется для нее сложный поход — радостью или новым сокрушительным разочарованием?

Вероника Мелан

Аарон

*Я прощаю себя, растерявшую сущность,
Утонувшую в горе, в пустой суете,
Упустившую что-то, что важно и нужно,
Пребывая в привычной уже слепоте.*

*Я прощаю себя, вновь закрывшую душу,
Схоронившую свет и тепло под щитом.
Я в груди у себя ощущала лишь стужу.
Отложила мечты и любовь на «потом».*

*Собираю по крохам себя по частицам.
Я сумею прекрасное снова творить.
Я смогу снова верить, любить и учиться.
Я смогу снова нежность и ласку дарить.*

*Я прощаю себя за тревоги, сомненья,
По заслугам воздастся в назначенный час.
И, почувствовав силы своей возрожденье,
Обрету вновь волшебное «здесь» и «сейчас».*

Нина Сасовец

Перед прочтением романа автор рекомендует прочитать рассказ «Выстрел», который предваряет эту историю. Если рассказ Вы еще не читали, то Вы можете найти его ниже — после романа и послесловия автора.

Ланвиль. Уровень Четырнадцать.

Жилистая спина подрагивала. А вместе с ней подрагивали сложенные крест-накрест лежащие на чужом позвоночнике тонкие и изящные женские лодыжки — дорогой педикюр, темно-вишневый лак и блестящая точка стразы на ногтях больших пальцев — любо-дорого смотреть.

И Марго смотрела.

Утыкалась пьяным взглядом то в собственные стопы, то в стоящий ей многих тысяч интерьер: идеально-белую стену напротив мягкого кресла, три полотна подлинника ставшего известным лишь в прошлом году Бьянко Данкона (еще двадцать три тысячи, между прочим, — она до сих пор надеялась, что не в ж. пу), тяжелые портьеры с позолотой, встроенные в декоративный потолок мелкие лампочки-звезды. В руке нетрезво покачивался бокал — жидкость в нем переживала сильнейший шторм — как минимум восемь баллов из десяти — даром, что не лилась на толстый бежевый ковер.

— Долго еще?

Хриплый и заискивающий голос заставил красивое женское лицо поморщиться.

— Встанешь, когда я скажу «встать». И ни секундой раньше.

В ее собственном тоне, несмотря на изрядную порцию алкоголя в крови, звучала сталь. Или презрение. Или Ненависть. Или все вместе.

— Я уже выбрил себе грудь, как ты просила. Я...

— Заткнись.

Марго еще не насытилась. Да, часом ранее она приказала этому мудаку побрить себе грудь. Потом яйца — с этим он провозился почти полчаса. А теперь некто по имени Клинт Струнт — молодой актер драматического театра и одновременно очередной ухажер, решивший позариться на легкие деньги (если сумеет сыскать расположение сидящей в кресле экстравагантной мисс Полански), — стоял у кресла на карачках, подрабатывая пуфом.

Нет, не за деньги. За кольцо, которое мечтал надеть ей на палец, как и сотни других ловеласов за день, за неделю, за месяц до того. Очередное заключенное пари — «я тот, кто сумеет завоевать неприступную крепость» и заполучить во владение сладкие ароматно-ванильные миллионы долларов.

Да-да. Или лучше «ну-ну» — Марго улыбалась. Нетрезво и недобро.

«Все они на одно лицо — мужики, мудаки, сволочи. Все приходят к ней с надеждой в глазах, а за дверь вылетают с выражением побитых псов» — ее это утешало. Немного, но все-таки.

Жаль, что на ковре перед ней не тот, кого она на самом деле хотела бы видеть, но и «этот» сойдет — тоже мужик, а, значит, тоже сволочь.

— Не дергайся.

— Я устал. Затекли локти и колени.

— Я разрешала разговаривать?

«Ухажер», чье имя она вспоминала, только если сильно напрягалась, молчал еще минуту. Затем открыл вонючую пасть и проблеял:

— Марго...

— Я тебе не «Марго».

— Да-да... Госпожа. Скажи — долго еще?

— «Скажи ТЕ».

— Скажи-те.

Хозяйка квартиры допила из бокала пережившее-таки «шторм» вино и благожелательным тоном промурчала:

— С полчасика.

— Что? — в первый раз этот вопрос прозвучал тихо. Во второй — громко и даже возмущенно. — ЧТО?

— Ты оглох? Если так, то следующим действием я прикажу тебе написать на своей лысой груди «Я — лох. Глухой лох». А еще лучше сделать татуировку.

«Пуф» возмущенно дернулся.

Тощие колени. Тощая задница. Срамота.

— Я не подвязывался...

Ох, Клинт решил заявить о себе как личность? Как дерьмовая личность дерьмового мужского рода?

— Сидеть тихо! — отрезала она так жестко, что позавидовал бы и армейский генерал.

— Я...

— Тихо, я сказала.

Струнт восстал — его терпение лопнуло. Но восстал пока еще не с пола — видимо, до сих пор надеялся выиграть заключенное на сегодняшней вечеринке пари, — пока только голосом.

— Я не подвязывался исполнять настолько маньячные желания сумасшедшей...

— Это еще не маньячные, — совершенно спокойно отозвались с кресла. — Маньячные будут позже. Если выдержишь.

— Зачем мне выдерживать такое?

«Раб» злился все больше. Ну да, это проституты, которых она заказывала часто, терпели дольше, а такие вот лощеные хлюпики, которые пачками ловились на вечеринках, силой воли не обладали.

— Ну, ты же хочешь владеть миллионами?

Тишина. И такое громкое сглатывание, что Марго поморщилась — ей-богу, голодный пес. Бедный и жадный до денег, как до свежего мяса, пес.

— И такое придется терпеть каждый день?

— Нет, зачем же.

Струнт расслабился. Вот только рано — Марго пояснила:

— Два раза в день. А то и три. А, может, и с утра до вечера.

— Сука, — на этот раз «пуф» сбросил со спины ее ноги и начал разгибаться. — Ты просто ненормальная сука.

— А ты не знал об этом, когда заключал пари?

Черт, он не знал, что она «знала». А она всегда «знала» — видела это по их глазам — алчным и лаковым при виде дороговизны ее квартиры.

— Ненормальная...

— Это я уже слышала.

— Дура конченная...

— Пошел отсюда.

— Я...

Теперь актер восстал не на шутку — проявил норы, распрявился, сжал кулаки. Взгляд карих глаз налился гневом, подбородок заострился, рот сделался маленьким и совсем не красивым.

«Надо было заставить его сбрить и бороду. Эту модную козло-бородку. Без нее ему было бы лучше».

— Я тебя...

Продолжение почти всегда выглядело одинаково: шаг в ее сторону, тянущиеся к ее горлу руки, налитые яростью глаза и появлявшийся, как по взмаху волшебной палочки в женской руке, из-под сиденья кресла пистолет — мелкая, но злобно-кусачая Беретта 337.

— Пшел отсюда, — повторила Марго лениво, не глядя на гостя. Она все еще смотрела на картины, размышляя, не продать ли их на следующем аукционе. Ствол в руке не дрожал — указывал, будто посаженный на клей, точно в лоб Струнта.

— Ты... ты за это заплатишь.

— Ни цента.

— Я сделаю так, что...

— Ничего не сделаешь. Пшел отсюда — процедила хозяйка пентхауса. — В третий раз повторять не буду.

И неудачник ловелас по имени Клинт — актер-недоучка «бритая-грудь-и-бритые-яйца», проработавший «пуфом» (фи, какая жалость!) всего-то пятьдесят минут, покинул квартиру голым.

Торопливо. Без нижнего белья. С изливавшимся изо рта, как грохочущий водопад, потоком отборных матерков.

Минус один соискатель материального благополучия.

Плюс один балл к удовлетворенности.

Интересно, кто поработает пуфом завтра?

Ей стоило бы быть настолько же жестокой с ними, каким Джокер когда-то был с ней, — мочиться им на голову, на грудь, заставлять вылизывать ступни, вылизывать немытую промежность, щипать за соски, — вот только беда — Марго не была и в половину настолько же жестокой, как тот субъект, с которым она когда-то познакомилась в чате.

В обычном чате на сайте знакомств.

Кто бы знал, что люди бывают... такими?

Он унижал ее день за днем, неделя за неделей, два месяца подряд — два месяца сущего ада из которого она не могла, а частично и не хотела вырваться. Потому что эта тварь будила в ней не только ненависть, но и — странно признаться — женщину.

Марго ненавидела себя каждый день *той* жизни. Ненавидела Джокера — проклинала день, когда вышла в чат, когда зачем-то указала свой телефон, когда по непонятной ей самой причине решила с пугающим незнакомцем встретиться. А ведь интуиция орала так, что охрипла и потеряла голос в первые же пять минут.

Стоило к ней прислушаться.

Стоило бы.

Она стояла у зеркала и проводила рукой по роскошным и густым черным волосам — настоящей драгоценности в ее внешности. Нет, не единственной — красивым было и лицо с аккуратным носом, изящно очерченными губами, подбородком сердечком и большими

темными глазами, — но драгоценностью крайне значимой и очень ей ценимой.

Когда-то эти самые волосы сбрил тот, кого она впоследствии полюбила — дурость, да и только. И именно по нему — человеку, которого когда-то по глупости самолично, находясь под действием «экстази», подстрелила на улице, — она сохла все последующие месяцы, переходы и Уровни. Именно его искала день за днем на улицах, в кафе, ресторанах и в воинских частях — среди охранников, наемников, киллеров — среди всех, кто каким-либо образом принадлежал к силовым структурам. {Сюжет этой истории подробно описан в рассказе «Выстрел» — здесь и далее прим. автора}

Искала, и не находила.

А после зачем-то сунулась в треклятый чат.

Да, искала одного, а встретила другого — полного мудака, изменившего ее жизнь, ее душу и ее тело — человека, которого прозвала Джокер.

* * *

Erika — Right or Wrong (Nu-beat version)

Ненормальным он показался ей с первого же сообщения.

— Будешь моей «нижней»?

Догадываясь, что речь идет о сексуальной «рабыне», Марго уверенно напечатала «никогда». И, может, в силу своей категоричности, именно это слово намертво прилепило к ней маньяка.

— Будешь.

Заявление прозвучало очень уверенно.

Тогда все происходящее еще казалось ей шуткой — мужик просто развлекается, проверяет ее «на вшивость», ведь есть такие, кто сразу прощупывает почву — мол, сдастся девка под напором или же нет? Марго, — а тогда она еще не сменила имя, — не сдавалась ни в какую.

— Не будь идиотом, — бегло стучала она по клавишам, — зачем тебе «рабыня»?

— Я буду поливать тебя «золотым дождем». Тебе понравится.

— Ты больной?

— Дай свой телефон.

— Не дам.

— Тогда я узнаю сам.

— Узнай.

— А потом приду в гости.

— Попробуй.

В те времена она еще не была богата, как теперь, иначе бы (имей вдобавок и мозги) приставила к дверям охранников. Но тогда нынешняя мисс Полански еще являлась Райной Вильяни — пустоголовой обиженной на мир девчонкой, потерявшей надежду отыскать свою вторую половину, а с ней и любовь всей своей жизни. Да и квартира — не в пример новой — запечатывалась снаружи не металлической, а хлипкой деревянной дверью, которая ни за что не остановила бы человека, которого она уже через сутки именовала Джокером.

Джокером — потому что такого не предсказать. Потому что он — вечный туз в рукаве,

облава-сюрприз, заноза в заднице, опасная колбочка, от которой, если и избавишься, то только с кожей.

Тогда она была дурой. Любопытной, пытающейся всеми известными ей способами выбраться из глубокой депрессии дурочкой с девятой авеню — глупой-глупой Райной. Далекой Райной, забытой теперь Райной.

— Ты живешь на Восточной окраине, рядом с торговым центром «Дивный».

А вот это уже интриговало. Пугало, конечно, но и интриговало, как, впрочем, и фото в анкете: правильной формы лицо, квадратный подбородок, умный и цепкий взгляд карих глаз, ухмыляющийся, будто говорящий «я знаю все обо всех», довольно притягательный рот.

Каким образом неизвестный ей субъект всего за пять минут сумел определить ее местоположение? По адресу провайдера? Взломал сеть?

Черт — она, кажется, влипла.

Наверное, уже тогда стоило все отрицать — мол, ты не прав, я там совсем не живу, я сейчас в квартире у подруги, — но Райну будто подменили — внутри нее внезапно колыхнулся нездоровый интерес.

Колыхнулся настолько, что она зачем-то дала незнакомцу из чата свой телефон.

Встретились в кафе.

Ждать пришлось недолго — минут десять, за которые Марго успела известить себя упреками — зачем сказала номер, зачем накрутилась, приделалась и явилась на встречу? А как не прийти, если незнакомец с точностью до этажа определил ее местоположение и тут же пригрозил, что через полчаса заглянет в гости? Уж лучше в кафе — безопаснее. Посмотреть на него, подумать, а уж после решать — спасаться ли бегством.

Спасаться, как выяснилось позже, следовало еще до входа в пресловутый чат. Лучше бы уехала из города, лучше бы напилась до беспамятства и вообще не открыла ноутбук, лучше бы валялась и рыдала, как накануне, поддавшись депрессии, в мятой и не заправленной постели.

Знал бы прикуп, жил бы...

А он оказался харизматичным. Высоким, статным, хорошо одетым — не в классику, но в вольный джемпер и дорогие джинсы, — с ухмылкой на губах и опасно-хитрым блеском карих глаз за стеклами очков в стильной тонкой оправе. Уселся напротив, спросил, желает ли она кофе — будто и не заметил, что перед Райной уже стоит наполовину пустая кружка остывшего латте, — предложил заказать десерт и, не дожидаясь ответа, приподнялся на диванчике напротив. Наклонился вперед, нагло взялся за концы повязанного вокруг ее шеи черного шарфика, потянул на себя. Приказал:

— Поцелуй меня.

Она едва не задохнулась — от возмущения и от того, что, повязанный декоративным узлом шарф, моментально затянулся вокруг шеи удавкой. С места, однако, не двинулась.

— Не дождешься.

Джокер потянул сильнее.

— Поцелуй.

— Отвянь. Мы даже не знакомы.

— Уже знакомы. Ведь ты пришла?

— И что? Хотела на тебя посмотреть.

— Посмотрела? Нравлюсь? А теперь поцелуй.

Он так и стоял в наклон над столом, не обращая внимания на тот факт, что сбоку деликатно кашлянул подошедший официант.

— Не нравишься, — едко отрезала Райна, вырвала из чужих рук шарф, отклонилась назад и ослабила затянутый до дискомфорта узел.

— А ты настырная, — удовлетворенно кивнули с противоположной стороны стола, — тем лучше. Из настырных получаются хорошие «нижние» — их интересно ломать.

«Больной», — подумалось ей. Правильно подумалось, исключительно верно. Вот только сбежать она так и не сбежала — вместо этого зачем-то согласилась на сладкое.

Десерт он заказал на свой вкус — она не запомнила, какой, потому что не попробовала его. Не запомнила толком и того, о чем говорили, — все не оставляла попыток понять, кто перед ней находится — адекватная личность или псих? Иногда Джокер вел себя адекватно: что-то говорил про работу, про то, что хочет, чтобы кто-нибудь написал о нем книгу — ведь, мол, жизнь у него крайне насыщенная и интересная, — с бахвальством заявлял, что занимается строительством. Чего — домов? Промышленных объектов? Вникать не хотелось. Вместо этого кружили мысли о другом — как бы им разойтись сразу же у выхода из кафе? Как сделать так, чтобы не провожал? Как избавиться от того, с кем не стоило и встречаться?

А на фоне все вилась странная и нелогичная мысль о том, что он ей нравится.

Чем-то все же нравится.

Парадокс.

Избавиться не удалось.

Ее не спросили — желает ли она, чтобы провожали, — на выходе сразу указали на машину — великолепную белую «Лунди» — машину за несколько миллионов долларов.

Ого.

— Там для тебя сюрприз.

Сюрпризов не хотелось.

— Садись. Довезу до дома.

Кошмары сбывались. Нельзя, чтобы он поднялся с ней на этаж, нельзя, чтобы вошел в квартиру — вообще ничего нельзя.

А на заднем сиденье нашелся самый красивый букет из роз, какой она только видела, — штук пятьдесят в связке — не меньше.

— Это тебе.

Такой стоит пару сотен баксов. Он просто швыряется деньгами, — мысль не прельстила, а отпугнула.

Стоило сесть в салон и пристегнуться, как ожил динамик, — звук тяжелого ритмичного металла оказался кристально чистым, приятным для ушей, несмотря на то, что «тяжелаяк» она никогда не слушала. Да и жанр этот удивительным образом подходил, как красавице-машине, так и странному водителю.

— К тебе?

— Я бы... дошла пешком.

— Значит, к тебе.

Захлопнулась дверца, педаль газа моментально ушла в пол, и Лунди набрала скорость так плавно и быстро, что Райна против воли едва не испытала оргазм.

В подъезде случилось то, чего она боялась больше всего. После «прощального» поцелуя на первом этаже у лифта он попытался поставить ее на колени и расстегнуть ширинку.

— Соси.

— Пошел к черту!

— Соси, говорю.

— Отвали от меня! Отпусти!

Слышалась возня, хрипы, треск одежды — ей пытались насильно расстегнуть пиджак, чтобы добраться до груди.

— Убери от меня руки!

Наружу выскользнул вставший член — Джокер все еще не оставлял попыток заставить ее сесть на корточки.

— Тебе же этого хочется, давай, не сопротивляйся... Ты — шлюха. Моя шлюха.

— Я не твоя шлюха и никогда ей не стану. Больной... Урод моральный!

— Грязная на язык шлюха — чем грязнее язык, тем качественнее будешь сосать...

— Отвали!

Она ударила его букетом по лицу — попала по щеке и шее шипами; на немый, заляпанный отпечатками мокрых подошв пол посыпались бордовые лепестки. За секунду под ними образовался цветочный ковер; в запах сырости, жарящихся котлет и мочи вплелся тонкий и нежный розовый аромат.

Прежде чем ее отпустили, она не подчинилась приказу встать на колени еще трижды.

— Настырная.

Теперь тип в очках был сдержанно зол, но неуловимо доволен.

— Ладно, мне надо на работу. Но ты не думай, мы не закончили — только начали.

Когда он уходил, Райна не думала — она стояла и смотрела вслед выходящему из подъезда человеку, держа в руке остатки букета — на половине стеблей отсутствовали бутоны.

Одновременно с взревевшим снаружи мотором Лунди, раскрылись двери лифта — с соседкой с четвертого поздоровался мистер Гирбен. Бросил удивленный взгляд на нее, на кровавый от обилия лепестков пол и торопливо сбежал вниз по ступенькам.

Воспоминания со временем не поблекли и не выцвели.

Марго. Давно уже Марго. Не Райна. Вдох, выдох, вдох, выдох — успокаивайся, сердце.

Черные густые волосы шелком струились сквозь тонкие пальцы — из зеркала укоризненно смотрели печальные темные глаза.

Если их обрить, то отрастут быстро.

Она стала монстром — как, когда? Тогда, когда заполучила на теле уродливые шрамы? Когда Джокер исковеркал ей душу? Когда поняла, что Аарона уже не найти?

Да даже если найдет — что с того? Кому она *такая* нужна — вся сшитая, скроенная и перекроенная врачами? Что она сможет предложить ему — мужчине своей мечты, — если больше не способна по-женски нормально принять мужчину? Как быть с рубцами на промежности, как быть с исполосовавшим грудь швом, выглядящим уродливо даже после заживления?

Уродка. Мутант. Более не женщина. Красивое лицо и отвратное тело — тьфу!

Зачем кого-то искать, если такую, как она, никто и никогда не сможет полюбить?

«Важна не внешность — важна душа». Бред! Кто сказал этот бред? Наверное, изначально слепая и толстая женщина-философ, но никак не нормальный здоровый мужчина, который любит глазами, а потом уже и всем остальным...

Марго скривилась и отошла от зеркала.

Она ненавидела собственное отражение — не лицо, но все, что скрывалось ниже, под одеждой.

Выпивка и месть — какое-то время они казались спасением. Налить в бокал вина или чего покрепче, пригласить в дом первого попавшегося гостя и... унижить его. Да-да, унижить, как до того унижали ее. Заставить поползать по дому гольшом, попросить обмазать кремом, а после поласкать свои липкие муди, поблеть по-козлинному, поработать креслом, держателем пепельницы, статуей у двери, рабом-официантом, голым «прислужкой-побегушкой».

Нет, она не стала такой, как Джокер (хотя, стоило бы), — никогда никого не связывала, не причиняла боли сталью, не била плетью, ни на кого не мочилась сверху — не могла себя заставить перешагнуть невидимую черту.

Может, просто не была тварью?

В моменты хорошего настроения вообще заказывала проститутов лишь для того, чтобы они читали ей сонеты, стихи и прозу, а после вставали на колени и признавались в любви. Платила столько, насколько доверчиво звучали слова, — иногда бывала щедрой.

Пустота внутри, однако, не уменьшалась — разрасталась.

Никому и никогда Марго не позволяла дотрагиваться до себя, ни перед кем не раздевалась и сомневалась, что когда-либо разделенется.

Вот если бы свести шрамы...

Но Комиссия в приговоре постановила жестко: «Ни один врач никогда и никакими доступными технологиями и методами не сможет залечить Райне Вильяни полученные в ходе совершения убийства увечья. Телесное уродство явится ее наказанием отныне и впредь, дабы напоминать об однажды нарушенных моральных нормах и предупредить подобное».

поведение в будущем...»

Черт, она не убивала!

Да, хотела, да, думала об этом... Но то был несчастный случай! Несчастный!

Джокер мертв, а она урод — за что?!

В стену полетел и раскололся бокал из-под шампанского стоимостью в двести двадцать пять долларов; в этот момент прозвучал дверной звонок.

* * *

— Подпишите здесь, здесь и здесь.

Сухой палец скользнул по листам и указал на пропечатанные снизу галочки-птички.

— Угу.

Она никогда не читала документов, которые приносил Рид — ее личный финансовый консультант и по совместительству инвестор. Подписывала не глядя, верила ему безоговорочно — решила, что так поведется с самого начала, — стопроцентное доверие, и никак иначе. И, как выяснилось, не ошиблась с подходом.

Ручка в пальцах дрожала; Райна вывела замысловатую подпись «Марго Полански» и откинулась в кожаном кресле с высокой спинкой. Богато обставленный кабинет — кожаную мебель, дубовые панели и широкий дорогой стол — освещала единственная зажженная настольная лампа.

— И не пейте сегодня больше.

На Майнрада она взглянула мутными глазами. На совет не разозлилась, лишь неопределенно кивнула, и в ответ на укоризненный взгляд заверила:

— Не буду.

Они почти не общались — высокий худой мужчина (всегда в дорогих костюмах и при галстуке), невзрачный, как глубоководная рыбина, с редкими и почти невидимыми короткими волосами, с тонким носом и такими же тонкими, растянутыми к ушам губами и симпатичная молодая девчонка — его наниматель. Однако между этими двумя, несмотря на почти полное отсутствие общения, пролегла мягкая, как бархат, бессловесная теплота.

— И поспите.

— Посплю.

Райна знала, что в постель ляжет еще не скоро.

— Вам нужен отдых.

— Знаю.

— Читать, как всегда, не будете?

Короткий взгляд на документы.

— Как всегда. Не буду.

— Тогда до следующей встречи, Марго.

— До свиданья, Майнрад. Доброй вам ночи.

Рид. Майнрад Рид.

Она никогда не стала бы богатой, если бы не этот человек и не одна случайность, произошедшая в самом начале ее переезда в Ланвиль, на четырнадцатый, — полученный на сдачу в газетном киоске лотерейный билетик — бледно-желтый, с надписью «ГосЛотто —

открой меня и выиграй».

Выиграй, как же — сие каждому прочитавшему призывное послание казалось нереальным, и Райна, к тому времени уже сменившая имя и фамилию, исключением не являлась.

— Выиграй, ага. Кому вы заливаете?

Она, обычная секретарша в крохотной конторке с зарплатой чуть выше прожиточного минимума, в чудеса давно не верила.

И зря. Потому что на косо оторванной и развернутой бумажке, жирной от ее пальцев, только что державших бутерброд с кетчупом, салатом и котлетой, значилась сумма в сто тысяч долларов.

— Да вы шутите...

Ерунда! Быть такого не может! Подделка? Дурацкий розыгрыш и съемки скрытой камерой? Точно — должно быть по ту сторону экрана, глядя на ее распахнутый, еще не протертый салфеткой рот, в эту минуту хохочет пара сотен тысяч жителей — хохочет, уссывается и покатывается по полу. Мол, давай, дурочка, пляши от радости, а мы пока надорвем животы; Райна спешно огляделась по сторонам — сыреющая от мелкой мороси мостовая, сухое пятно на лавке там, где она сидела, далекие, спешащие по своим делам прохожие, — и нигде ничего подозрительного: ни камеры в кустах, ни ведущего с микрофоном, ни чужой обидной ухмылки, предшествующей фразе «И вы купились? А мы на это и рассчитывали!».

Сто тысяч. Правда или нет?

Чтобы прояснить этот вопрос, она быстро скомкала обертку от бутерброда, швырнула ее в урну — по-дилетантски промахнулась — и поспешила обратно к находящемуся через дорогу газетному киоску.

— Правда, — желчно ответила ей продавщица и обиженно сверкнула глазами — мол, почему везет всегда не мне?

— А получать где?

— Где-где? Откуда я знаю «где»? — да, зависть — штука жесткая. Но уже через секунду тетка смягчилась, взяла себя в руки и пояснила. — Через два квартала у них офис — написано «ГосЛотто» — ярко, не промахнетесь. А по соседству офис мобильной компании «ЛанвильЛайн».

— Спасибо!

И Райна бросилась в указанном направлении.

Продавщица проводила ее взглядом, вновь сделавшимся обиженным.

В офис после обеда она вернулась уже с деньгами — пухлым конвертом, набитым купюрами.

«Сто тысяч, сто тысяч, сто тысяч» — звучало в голове, как мантра, — что с ними делать? Пропить, проесть, отложить? Купить много хороших вещей, новую квартиру, сохранить в банке? Что люди вообще делают с большими деньгами, что?

В тот день ей не работалось — в документы то и дело вкрадывались ошибки, и их приходилось набирать и перепечатывать заново. Клиенты по телефону называли свое имя по два раза и ворчали на секретарскую рассеянность — Марго плевала на них с высокой башни. Записывала в блокноте дни и места шефовых встреч, а сама думала о ста тысячах долларов

— сладких, вкусных, пугающе привлекательных.

А в коридоре, когда день близился к концу, вдруг задала волновавший ее вопрос знакомому лишь по коротким встречам у входных дверей клерку, чье лицо всегда казалось ей умным.

— Дэйв? — кажется, так его звали?

— Да?

Ее имени он так и не вспомнил. А, может, никогда и не знал — Райна не обиделась.

— А что бы вы сделали, если бы выиграла в лотерею?

Служащий из соседнего офиса, верно, подумал, что с ним заигрывают, — нашли первую попавшуюся тему для разговора и флиртуют, — и потому весь приободрился, широко улыбнулся и расцвел.

— Ну, зависит от того, насколько большой выигрыш.

— Если большой.

— Если сто тысяч или больше, то обратился бы к финансовому консультанту. Нанял бы человека, который понимает, куда и что можно вложить.

— Ух ты!

— Умно, да? — мистер «я-знаю-что-ты-со-мно-заигрываешь» подмигнул, довольный собой и своим ответом.

— Умно́, — подтвердила Райна.

Действительно умно́. Даже слишком.

А для нее так вообще заумно.

Однако чем больше она размышляла над сказанным, тем больше убеждалась, что Дэйв дал ей воистину ценный совет. Куда может пристроить деньги необразованная в финансовых делах девчонка? В мусорную корзину — через клубы, выпивку и шоппинг. А вот финансовый консультант, наверное, может пристроить деньги правильно и, главное, выгодно.

Ведь может?

«Райна и финансовый консультант» — эти два понятия в ее голове сочетались так же плохо, как красная икра и мороженое.

Однако уже через сутки она пересилила себя и собственную неуверенность, отыскала в интернете список фирм, предлагающих искомые услуги и, выбрав самую известную, отправилась по указанному адресу.

Все лица, а точнее их выражения, были, как под копирку, — высокомерные, вычурные, воздающие триумф собственному мега-уму; висящий на первом этаже щит с именами она рассматривала не менее получаса.

— Мистер Даррен Косинг — советник первого ранга, мистер Гулан Турек — советник высшего ранга, мистер Вольдемар Бруттенберг — ну и имечко, затрахаешься произносить...

Ее губы шевелились, глаза скользили по десяткам глянцевых фотографий; с куртки и волос стекала на пол вода — на улице опять лило.

Холеная обесцвеченная секретарша в снежно-белом пиджаке, ожидавшая, пока посетительница соизволит, наконец, сделать выбор о том, с кем желает встретиться, в третий раз нехотя предложила замухрышке-Райне («в такой одежде достойные посетители не ходят») кофе.

— Нет, спасибо.

Кофе на самом деле хотелось.

Но еще больше хотелось не ошибиться с выбором — Райна подошла к этому вопросу со стороны интуиции: она не будет выбирать по рангу — она выберет того, чье лицо покажется ей наиболее симпатичным. Дурацкая идея? Может быть. Но другой у нее не было.

— Я бы хотела встретиться с мистером Ридом.

— Советником третьего ранга? — «третьего ранга» прозвучало с таким презрением, что за человека с невзрачным лицом, пегой растительностью на голове и бледными, как дождевая вода, серо-голубыми глазами сразу же стало обидно.

— Да, с ним.

— Не хотите рассмотреть кого-то другого?

— Я уже всех рассмотрела, — ответила Райна тоном, будто советников она рассматривала исключительно с позиции умственных способностей, а вовсе не по висящим на табло славы фотографиям.

— У нас есть... более опытные... специалисты. Мистер Рид работает здесь вторую неделю.

— Вот к нему и пойду.

«Ну и дура», — судя по взгляду, окончательно убедилась в сделанных ранее выводах секретарша.

— Я сообщу ему о Вашем приходе.

— Будьте так добры.

Взлетела к уху телефона трубка; пропикали несколько клавиш.

— Мистер Рид? К вам посетитель. Примите?

Ответ положительный — ей кивнули.

Тогда она еще была бедной Марго.

А спустя несколько месяцев стала богатой Марго.

Нет, не так — она стала очень-очень богатой Марго.

Он заявил сразу — «я беру пятьдесят процентов», а Райна не стала озвучивать норвящий соскользнуть с языка ответ «да хоть девяносто» — легко пожала плечами и кивнула.

На том и сошлись.

С тех пор Майнрад стал ее личным финансовым консультантом. Поначалу он еще пытался объяснять свои действия или решения, но быстро понял, что подробности мисс Марго Полански интересуют мало, и потому, заручившись ее согласием, принялся распоряжаться капиталом молча. Только время от времени приносил на подпись бумаги и указывал: «здесь, здесь и здесь».

Поначалу Райна была практически уверена, что ее облапошат, — снимут со счета все деньги до последнего цента, оставят с нулем и рваным башмаком в шкафу и сбегут в неизвестном направлении, но Рид, как ни странно, сбегать не торопился. Назначал встречи каждый вечер, вежливо интересовался — хотите узнать подробности сделок?

— Не хочу, — однозначно звучало в ответ.

А уже через пару месяцев Райна обнаружила на своем счету на начальные сто тысяч долларов (и не ноль на палочке), а двести сорок три тысячи. Еще через месяц уже триста семьдесят восемь... А через полгода благодаря невзрачному на вид, похожему на рыбу мистеру Риду у нее появился свой первый в жизни миллион.

Вот и выбирай после этого консультантов по рангу — не права была секретарша, ой, не права.

И понеслось — что ни месяц, то прибавка в денежных средствах, что ни квартал — новая машина у Рида.

Она не злилась на него за новые костюмы и крайне довольный собой вид.

Она за него радовалась.

Карандаш в пальцах дрожал.

Получится нарисовать или нет? Белый лист бумаги казался входом в рай — нужно просто изобразить на нем то, что хочешь, и оно обязательно сбудется. *Того, кого хочешь.*

Но Райна знала, что не изобразит, — не сможет. Она пыталась нарисовать человека со шрамом на виске много раз — десятки, если не сотни, — но все портреты, несмотря на усилия и многочасовой труд, лишь отдаленно напоминали оригинал. Где-то совпадал взгляд, где-то разлет бровей, где-то искривленный в ухмылке рот, но никогда у нее не получалось составить все элементы в одно целое — лицо Аарона Канна.

Бесполезно. Бессмысленно. Зря она отучилась на художественных курсах, зря платила лучшим репетиторам за частные уроки, зря оборудовала целую мастерскую и оставила ее мольбертами, холстами и красками — образ Канна ускользал.

* * *

(Asheni — Only Magic — Chris Wonderful Remix)

Россыпь звезд на бархате неба. Иногда Райне казалось, что пентхаус на верхнем этаже небоскреба она приобрела именно из-за этого — из-за террасы, с которой открывался потрясающий вид на ночной небосвод.

Небо ее успокаивало — оно одновременно видело их обоих — ее и Аарона. Как бы далеко они друг от друга ни находились.

Два покрытых тонкими матрасами лежака; ласковый ветерок, колышущиеся в горшке раскидистые листья Медеи. И звезды. Много звезд.

Райна подошла к лежаку, осторожно прилегла на него и положила руку на матрас второго, стоящего рядом. Уперлась взглядом в небо, медленно и привычно провалилась в параллельную реальность — ту, которая не существовала. Где Аарон всегда был рядом с ней, где они никогда не разделялись.

Какое-то время молчала, затем тихо спросила:

— Как прошел твой день?

Минута тишины; блеск недосыгаемых планет в вышине.

— Мой? Мой тоже хорошо... Я хочу испечь тебе торт завтра. Будешь? Или лучше вафли?

На деле она не пекла так давно, что едва ли вспомнила бы хоть один рецепт, но в эту минуту все это не являлось важным. Ничего не являлось, кроме него — воображаемого любимого мужчины рядом.

Райна прикрыла глаза, улыбнулась — мягко, нежно.

— Я знаю, что ты больше любишь торты. Но я могу сделать вафли с кремом... или сгущенкой.

Ее рука ласково поглаживала не матрас — его невидимые пальцы.

— Кури... Я не против. Мне дым не мешает.

Ничего не мешает.

И он курил. Лежал рядом и курил. А еще смотрел на нее с любовью в серых глазах — смотрел, не отрываясь. Тепло, с глубоким, самым нужным в мире чувством. Ее Аарон...

В эти минуты по ее щекам текли слезы, но Райна не видела их — не чувствовала.

— Ты ведь будешь сегодня спать со мной, да?

Тишина; мягкие кивки цветка Медеи справа.

— Всю ночь? И не отпускай, ладно? Прижми, как вчера...

И я буду спать. Буду спать всю ночь.

Если воображаемый любимый что-то и говорил, то его никто не слышал.

— До самого утра, ладно? Мне так тепло с тобой. Не уходи. Не уходи.

Никогда не уходи.

Только рядом с ним она отогревалась, расслаблялась, делалась мирной.

— Мы переплетем пальцы... Так люблю, как пахнет твоя кожа.

Ее затылок, совсем как тогда — в зимнюю ночь, — гладили невидимые теплые мужские пальцы.

— Как хорошо, когда ты рядом. Хорошо...

В эти странные моменты, лежа в одиночку на террасе под ясным ночным небом, Райна чувствовала, что кому-то нужна в этом мире.

*Быть кому-то нужной —
Нет мечты прекрасней.
Слабой, безоружной
Стать пред этим счастьем.*

*Не железной леди
В латах и с забралом.
Я такой, поверьте,
Быть уже устала.*

*Нужной быть кому-то
Не корысти ради.
Просыпаясь утром,
По щеке погладить.*

*Быть кому-то нужной,
Разве это прихоть?
Приготовить ужин,
Сесть напротив тихо.*

*Ласковым котёнком
На груди пригреться.
Засмеяться звонко,
Разморозить сердце.*

*Чувствовать заботу,
Быть необходимой.
Знать, что для кого-то
Больше всех любима.*

*Быть ежеминутно,
(Поделюсь секретом),
Нужной не кому-то,
А тебе конкретно.*

(Автор: Марина Яныкина)

Ее мозг оплетал паутиной непонимания тот факт, что Джокер то применял силу, то вдруг становился мягким, полностью человеческим — интересовался ее мнением, даже прислушивался к нему, кивал. А иногда будто срывался с цепи — приезжал в три часа ночи, требовал открыть ему дверь и даже грозил вырезать по одному соседей, если Райна не

послушается.

Райна открывала, потому что боялась. И тогда ее называли «хорошей».

Он начал следить за ней с их первой встречи: если шла в спортзал, присылал смс «откручу твоему тренеру голову», если в магазин — «не забудь купить шампанского и на меня тоже. Люблю Грандо», если на работу — «не вздумай флиртовать с начальником». Казалось, что чертов Джокер везде — за спиной, за каждым углом — разлит, как окись азота, в воздухе. И куда бы ни поворачивалась голова, Райне мерещилась выезжающая из-за поворота белая Лунди.

Она стала ненавидеть белые машины.

В один из приездов он нагло заявил:

— Сниму тебе квартиру, будешь жить в ней. Ждать моего звонка, быть «готовой».

Что означало «быть готовой» не пояснил — мастурбировать в его отсутствие двадцать четыре часа в сутки, чтобы мочь принять мужской член тогда, когда он вздумает скользнуть внутрь?

Требование напрягало.

— А почему ты не хочешь, чтобы я просто жила с тобой?

Спросила не потому что хотела жить вместе — из любопытства.

— Потому что я уже живу с женщиной на постоянной основе.

Райна только в этот момент заметила на его пальце тонкий ободок золотого кольца.

Женщина? Вторая половина? А она тогда кто — любовница?

— А ее ты тоже, прежде чем поиметь, ставишь на колени и зовешь шлюхой?

Знала, что любопытство — не всегда безопасная штука, но не сдержалась.

И в ответ получила полный злости предостерегающий взгляд.

* * *

Аарон Канн. Человек, при первой встрече которому она выстрелила в живот. Человек, которому расплосовала лицо — оставила на виске кривой и некрасивый шрам, человек — которого она спустя какое-то время полюбила.

Почему так случилось?

Потому что Барни — парень, с которым она жила на Восьмом, прежде чем испариться, оставил именно его — Канна — номер телефона?

«Он поможет тебе, если со мной что-то случится».

Кто он? Почему он?

Почему не кто-то другой, но именно угрюмый коренастый тип — жилистый и сильный, как медведь, и немногословный, как великая статуя Унтая на гористых холмах островов Оно? Что за отношения связывали вместе ее безалаберного дружка — как оказалось, торговца наркотиками, — и волка-одиночку — мужчину с военной выправкой?

Сие так и осталось для Райны загадкой. Как и причина, по которой ей потом нравилось жить у него дома, печь торты, убираться в квартире, мечтать о нем же — о хозяине приземистого домика — по ночам.

А ведь в ту зиму вместе они прожили совсем недолго.

Ей часто вспоминалась их первая встреча — нет, не на улице, когда, будучи под кайфом,

Райна выстрелила с разворота, как она предполагала, по мусорному баку и попала в человека, — а та, другая, когда после ее отловили для того, чтобы отомстить.

— Хочешь, я переломаю тебе руки и ноги? Хочешь? Или, может, искалечу всех, кто тебе дорог? А, может, просто, как и ты, мне выстрелить тебе в живот? Что ты скажешь на это, Райна Вильяни?

Она ничего не сказала попросту потому, что от страха в тот момент напрочь разучилась говорить. Знала, что поймают, знала, что пожелают отомстить, но не знала, как именно, а потому, будучи запихнутой в чужую машину, едва не поседела от ужаса.

А жертва ее пари с Барни оказалась человеком не просто суровым, но жестким, как окаменелые сгустки лавы, некогда извергшиеся из недр вулкана.

Жестким, но не жестоким.

Да, плюнул ей в лицо, да, обрил наголо. Но ведь не изнасиловал, не выстрелил в живот — даже не ударил, когда она ножницами располосовала ему лицо...

А после помогал. Когда среди зимы, оставшись совсем одна, — без исчезнувшего в неизвестном направлении Барни, — она набрала незнакомый номер телефона и попала вновь на того, кого с того злополучного дня видела лишь в кошмарных снах. Не отказал в помощи — принял ее у себя, кормил, заботился, как умел, — молча, но тщательно. Следил, чтобы спала в тепле, чтобы ела досыта, чтобы не нуждалась хотя бы в самом необходимом.

А после, когда Райна немного оклемалась, отпустил, предварительно снабдив ее деньгами на обучение, одеждой и ключами от новой квартиры.

Он дал ей все. Не дал одного — себя, своего сердца. Не оттолкнул, когда в один из темных студеных вечеров она забралась к нему на колени, но и не принял в дар то, что она предлагала. Поцеловал, а после долго держал в тишине, прижав голову к своей груди, — грел, успокаивал, прощался.

Но не прощалась она. Знала, что уходит не навсегда, что когда-нибудь они вновь встретятся. И к тому времени она станет другой — не тощей девочкой, которую он, шутя, звал «Рейкой», но прекрасной женщиной, достойной его — Аарона — любви.

Прошло время. Она встала на ноги, сумела подняться из грязи на верхний этаж придирчивого социума. Вот только красивой, достойной его любви женщиной так не стала — вместо этого, пытаясь забыть того, кого так и не смогла завоевать, превратилась в искалеченного изнутри и снаружи уroda.

* * *

(Hoobastank — The First Of Me)

— Прекрати мучить себя, Марго. Забудь его.

— Не могу.

— Можешь. Найми сенсора, сотри память и живи дальше.

— Не хочу.

— Не хочешь? Ну и дура — всю душу уже себе изодрала.

Дора всегда курила сигареты с ментолом. Эксцентричная, пожилая, красившая волосы в

неестественно яркий бело-золотой цвет она всем казалась циничной взбалмошной и слишком прямолинейной старухой, однако с Райной она в корне менялась — вдруг делалась мудрой, понимающей и совершенно адекватной.

Они познакомились на одной из светских вечеринок и сразу же слиплись — молодая и старая. Обе изодранные изнутри, битые жизнью, привыкшие на людях прикидываться совершенно другими личностями женщины. Обе богатые и осознающие простую истину: если смысла в жизни нет, то никакие деньги его не добавят.

И изредка общались — никогда о «погоде» или пустяках, но всегда о чем-то важном.

Как теперь.

Дора сидела в обшитом позолоченным шелком кресле с белой витой спинкой, смотрела в окно и не обращала внимания на то, что пепел с сигареты иногда падал ей прямо на дорогую юбку.

— Сколько ты уже тащишь с собой эти воспоминания?

— С Восьмого.

— С Восьмого! — пожилой голос «подруги» прозвучал цинично и с примесью горечи. — Ты давно уже должна была забыть о нем. Еще на Девятом.

Должна была, но не забыла. Каким-то непонятным образом Райна прятала ценные ей воспоминания так глубоко, что при Переходе до них не добиралась система — сжирала все остальное — память о прежней работе, друзьях, подругах, знакомых, но вот его — Аарона — не трогала. Райна бы ей не дала.

Никому бы не отдала.

— Зачем ты его ищешь?

— Чтобы увидеть еще раз. Чтобы извиниться... за шрам.

— Да он давно забыл о тебе! Тысячу лет назад залечил свой шрам, нашел себе другую женщину и счастлив с ней. Ты это хочешь увидеть? Он не помнит тебя, Марго, не помнит. С чего бы ему помнить?

Райна смотрела в то же окно сухими глазами. Их разговор напоминал ей бусы — всегда одна и та же последовательность слов, а звенья замкнуты на круг — один и тот же результат.

— Может, и не помнит, — отвечала ровно. — Только все равно хочу увидеть.

— Сколько ты уже ищешь? Сколько шерстишь базы данных, справочники, телефонные книги? Шесть Уровней? Марго, ты сейчас на Четырнадцатом. Сколько еще тебе нужно пройти, чтобы успокоиться?

Пока не найду.

Райна и сама не знала, зачем искала его, — Дора была права: Аарон не помнил ее. Давно уже не помнил. И не нужны ему ее извинения, но они нужны ей. В них — смысл ее жизни, потому что другого у нее давно уже нет. Изуродовав, Джокер закрыл ей путь к самому главному и ценному — любви, — а без любви разве есть смысл? Какой?

Райна его не видела. А вот когда найдет Аарона, когда выполнит эту миссию — хоть какую-то миссию в жизни, — тогда спокойно и завершит начатый путь. Уже без сожалений.

— Ты обращалась к информаторам? Я учила тебя, как.

— Обращалась.

Серебряный поднос, чай, маленькие пирожные — все чинно, цивильно. Дорогая комната, шитые золотой ниткой пушистые ковры, мягкие диваны.

— И?

Изогнутая в нетерпеливом ожидании тонкая, аккуратно подкрашенная коричневым

карандашом бровь.

— Они ответили, что на эту информацию куплен «обет молчания».

— Тьфу!

Старуха смачно сплюнула и качнула рукой так яростно, что пепел вновь полетел на юбку и соскользнул на ковер.

— Ты предлагала больше денег?

— Все, что у меня есть.

— И что?

— Ответили, что «обет молчания» не перекупается и положили трубку.

— Ну и типок — этот твой Аарон. Не добратся! — короткий взгляд в сторону Райны. —

А ты вообще уверена, что его зовут Аарон?

— Уверена.

Молчание. Тяжелый вздох.

— Хорошо, а что ты будешь делать, когда найдешь его. Найдешь и извинишься. И что?

— Позвоню доктору.

— Зачем? Ведь твои шрамы невозможно свести?

— А я не буду пытаться их сводить.

Райна выглядела спокойной — неестественно спокойной, — и Дора тут же заподозрила неладное.

— Зачем тебе доктор, если твое тело не вылечить?

Тишина.

— Марго?

Взгляд в сторону. В глазах ни слезинки, душа прикрыта зеркалом.

— Марго?

— Я не буду пытаться лечить тело.

— А что тогда?

— Душу.

— Что — «душу»?

— Я вылечу душу.

Впервые за все время во взгляде эксцентричной и вечно храброй Доры мелькнул испуг.

— Не вздумай, — прошептала та тихо, — не вздумай, слышишь? Выход найдется.

Найдется — верь.

Райна не верила. И потому молчала.

* * *

Сонэкс — инъекция-убийца. Высокотехнологичный кристально-чистый и баснословно дорогой наркотик, доступный лишь избранным.

От «избранных» — от все тех же сливок общества — она о нем и узнала.

«Введешь всего полмиллилитра и окажешься в мечте — никогда в кошмаре. Сонэкс погрузит тебя в самую настоящую живую реальность — реальность твоей сказки. Но если захочешь находиться в ней дольше и введешь чуть больше полкубика, заснешь. Заснешь навсегда...»

Об этом говорили шепотом. Многие об опасной забаве знали, но немногие ее из-за

страшного побочного эффекта пробовали — засыпать вечным сном желающих не находилось.

Кроме нее — Райны.

И потому уже составлен был договор с безымянным доктором, а кубик Сонэкса оплачен. Он — наркотик — обошелся ей в четыреста пятьдесят тысяч долларов. Согласный преступить закон доктор — еще в полмиллиона.

И пусть.

Когда Райна устанет — устанет совсем (а думала она об этом безо всяких эмоций), — то просто наберет нужный номер и попросит «погрузить ее в мечту».

В ту, в которой Аарон — на этот раз настоящий, живой и теплый, — будет до самого конца держать ее на руках. Где он в последний раз прошепчет ей свое нежное «люблю».

Не самая плохая смерть — безболезненная и красивая.

* * *

— У меня есть знакомый юрист, — Дора, докурив, неторопливо потягивала чай из тонкой фарфоровой чашки и по-королевски аккуратно откусывала от кремового пирожного, — хороший юрист. Пусть он еще раз взглянет на твои бумаги.

— Нечего на них смотреть, — тихо рыкнули в ответ, — приговоры Комиссии обжалованию не подлежат.

— ... вдруг ты чего упустила. Принеси мне копии.

— Зачем, Дора?

— Затем! — старуха неожиданно повысила голос. — Потому что два глаза хорошо, а четыре лучше. И мозг у него незаурядный — может, и отыщет лазейку.

— Лазейку? — Райне хотелось не смеяться, но по-вороньи каркать. И заодно и выть по-волчьи. — Лазейку в документах Комиссии может отыскать только юрист из самой Комиссии — разве ты не понимаешь?

— Я много чего не понимаю в этой жизни, Марго, но знаю одно: если есть шанс, нужно его использовать.

— И тем самым дать себе дополнительную надежду?

— А чего тебе терять? Ты и так вся побитая, как псина. Подумаешь, юрист одним глазом посмотрит — не сломаешься. Съешь лучше пирожное — с утра пекли.

— Не хочу.

Райна давно потеряла вкус к еде, как и ко многому другому, но Доре перечить не решилась. И вообще, попробуй с ней — высокомерной Марго Полански — заговорить в подобном тоне кто-то другой, давно превратился бы от одного только ледяного взгляда в соляной столп. Но старухе дозволялось и не такое.

— Съешь, съешь... совсем уже тощая, как палка.

Как Рейка.

Да, она помнила.

Пирожное действительно оказалось вкусным.

— Что собираешься сегодня делать?

— Поеду на море.

— Значит, как обычно.

На морской берег Райна ездила часто. Она и город этот на Четырнадцатом выбрала только из-за близости воды и соленого воздуха — он, как мог, лечил ее душу. Или то, что от нее осталось.

— Оденся потеплее, сегодня прохладно.

И чего они все к ней привязались? Кого — прости, Создатель, — заботят простуды?

— И не забудь принести мне бумаги, слышишь? — донеслось в спину, когда Райна собралась уходить.

— Не забуду.

— А-а-а?

Иногда Дора не прикидывалась бабкой, а ей и была.

— НЕ ЗАБУДУ!

— Вот и молодец.

И позади провернулось колесико дорогой зажигалки — высеклась искра; в коридор потянулся дым ментоловых сигарет.

* * *

Мужик оказался странным. Но он и должен был быть странным — Осведомитель. Про него поговаривали — «найдет даже тех, кого не выдадут информаторы. Только возьмет столько, что без рубахи и трусов останешься».

Райна была готова заплатить. Поэтому вместо моря поехала по адресу, который ручкой криво нацарапала на правой руке у основания большого пальца. И теперь сидела в похожей на пустую фотолабораторию комнате с забитыми плотной тканью окнами.

Четыре стены, кресло, в нем человек — верхняя часть лица утопает во тьме, нижняя освещена тонким лучом направленного света. Для чего — чтобы виднелся рот? Чтобы хорошо читались произносимые тонкими губами слова?

К чему такая скрытность?

Сама она, чувствуя себя пятым пассажиром в четырехместном купе, сидела на шатком табурете.

— Кого ищем?

— Мужчину. Информаторы про него молчат. Вы сможете узнать больше?

— Посмотрим.

Он не представился, а она не спрашивала. Видела лишь лацкан надетого поверх черной рубашки пиджака — нижняя часть тела Осведомителя, как и все остальное, кроме рта, терялось во мраке помещения.

Дурацкий антураж. Для лохов.

Подбородок мужчины, тем не менее, выглядел внушительным — массивным, квадратным, гладко выбритым и оттого синеватым.

— Имя?

— Канн. Аарон Канн.

— Где виделись в последний раз?

— Девенпорт, на Восьмом.

— После нет?

— После нет.

— Причины для поиска?

— Не ваше дело, — грубить было рискованно, но Райна не желала выдавать лишнего. И следующую фразу добавила лишь для того, чтобы усыпить ненужные подозрения, если те возникли. — Не киллера для него нанимать собираюсь. Личные причины.

— Ясно.

В «фотолаборатории» на неопределенный срок повисла тишина; посетительнице вдруг подумалось, что сюда бы отлично вписались бачки с проявителем и лампа для негативов. А так же ниточки-лески, на которых после можно развесить мокрые снимки.

Или рояль. В эту дурацкую комнату к этому странному типу отлично подошел бы рояль — черный, гладкий, с приглушенным, но чистым звуком.

Абсурдная мысль.

— Готовы выплатить сумму, которую я назначу за работу?

— Готова.

Он не стал озвучивать цифры — наверняка успел навести о ней справки, знал, что мисс Полански сумеет расплатиться.

— Мне понадобится три дня — вас устроит?

— Да. А если вы никого не найдете?

— Тогда вы платите лишь четверть от запрошенной суммы.

— Договорились.

— Тогда до встречи. Вы свободны.

Как все коротко и просто. Надежды, впрочем, как не было, так и нет. Выходя из комнаты, Райне казалось, что в носу застрял плотный и сладковатый запах фиксажа.

«Детектив-фотограф, тоже мне...»

Пижон.

Нордейл. Уровень Четырнадцать.

Светлая кожа — гладкая, чистая, бархатная, — россыпь веснушек у аккуратного носика, длинные ресницы, красивые даже во сне губы, россыпь золотых волос на подушке — Аарон, приподнявшись на локте, смотрел на спящую в его постели женщину и думал о том, что он счастлив.

Счастлив.

Ведь так?

С чего не быть счастливым мужчине, в постели которого спит прекрасная женщина — кроткая, ласковая, податливая. Мечта, а не женщина.

Милая Мила. Милана; Канн почему-то вздохнул. Сам не понял, почему. Еще раз посмотрел на ее блестящие в свете прикроватной лампы волосы, прислушался к спокойному дыханию, поправил сползшее с обнаженного плеча одеяло — хотел погладить по щеке, но не погладил — вместо этого прислушался к внутренним ощущениям, попытался их распознать — он влюблен, радостен, доволен? — и в который раз не смог их расшифровать.

Может, просто не время? Может, иногда любовь не бьет током, не врывается в сердце бурным свежим, подобным вольному сквозняку, потоком, а наполняет тело и разум медленно?

Наверное, так. Наверное.

На тумбе глухо завибрировал и заерзал телефон; Аарон поморщился и наощупь отыскал трубку, взглянул на экран — «Каратель».

Другой бы на его месте, если бы обнаружил на экране сотового подобное слово, побежал бы в туалет стреляться (кому хочется видеть в гостях демона?), но стратег лишь улыбнулся — визиты друга он любил. Даже такие поздние.

— Слушаю. Канн.

— Слушай, Канн, — начали без приветствия, — я тут с работы еду. Забегу к тебе на пару минут?

— Забегай, — миролюбиво согласились в ответ. — Тебе я всегда рад.

— Угу. Буду минут через десять.

— Будь.

Телефон временно вернулся на тумбу, а после перекочевал в карман серых хлопковых, натянутых на голое тело шорт.

Чайник закипал неторопливо — знал, что собеседники не торопятся, — грелся, сопел, важно менял цвета на индикаторе температуры, пока хозяин дома искал в шкафу заварку.

— Тебе точно чай? Не бренди, не коньячку, не виски?

— Чай, точно. Я же сейчас домой, а там дочь. Какой коньячок?

Регносцирос лениво развалился на кухонном стуле, вытянул длинные ноги, сложил ладони на пряжке ремня и лениво улыбнулся.

— Что, Баалька не любит, когда от папы пахнет спиртным?

— По шее бы вам всем за «Баальку». Она — Луара.

Его друг хмыкнул. Да-да, Луара, но в простонародье с легкой руки их телепортера

маленькое сокровище Алесты и Баала все звали исключительно «Баалькой», и ее отец знал об этом. Канн бы побился об заклад, что тот изредка и сам звал ее подобным образом.

Вот только не сознается, черт волосатый.

Регносцирос, впрочем, не злился и вообще этим вечером выглядел довольным жизнью.

— Что, съел полсотни младенцев? Чему улыбаешься?

Аарон разлил кипяток по чашкам и сунул туда пакетики с заваркой — те моментально всплыли на поверхность.

— Младенцев не ел, а вот пару нытиков на тот свет сегодня переправил.

— На какой еще «тот»?

— Тот, на котором они родились.

— Ясно. В общем, на сегодня отстрелялся.

— Ага. А ты как? Нормально?

— Нормально.

— Что-то не похоже.

— С чего бы?

— Да рожа у тебя странная.

Они сидели за столом и пили чай.

Чай, блин, — Канн размешивал в кружке сахар и думал о том, что они похожи на старых бабок. Старых, шамкающих беззубым ртом бабок, коим если что и осталось в этой жизни, так это лишь вспоминать свое насыщенное и бурное прошлое.

Дожили.

— Как Мила?

— Хорошо. Сходили сегодня в ресторан, посидели. Представляешь, она упомянула о том, что хотела бы дом в южном районе города.

— Почему там?

— Мол, озеро рядом. «Ведь это так здорово — вставать по утрам, выходить на балкон и смотреть, как блестит под солнцем водная гладь».

— И что — будешь свой продавать?

Мужчина со шрамом промолчал, сделался хмурым.

— Не хочу. Я к этому привык.

— Может, привыкнешь и к новому? — корректно поинтересовался друг. — Изменения — это не всегда плохо.

Аарон долго молчал — слишком долго. Затем вытащил из нагрудного кармана пачку сигарет, закурил и вдруг понял, что забыл открыть форточку. Моментально ощутил укол вины — Мила заворчит, что он опять курит в доме, — и вдруг разозлился. С каких пор он стал чувствовать себя виноватым из-за курения? Его дом — где хочет, там и курит. И когда хочет. И сколько хочет.

А вина все не уходила.

Черт. Все ведь хорошо. Все хорошо, ведь так?

— Эй, у тебя все нормально? — черные глаза Баала прищурились, стали изучать коллегу и друга с двойным вниманием. — На тебе лица нет.

— А что есть?

Пепельница стояла у раковины — укоризненно чистая, отмытая до блеска женской рукой — Канн дотянулся до нее и нарочито громко грохнул стеклянным дном о кухонный стол. Поставил перед собой, зачем-то толкнул пальцами.

— Шрам есть, а лица нет.

— Ну-ну.

И на этом ответ иссяк.

Регносцирос нахмурился.

— Слушай, да что у тебя не так? Дом есть, деньги есть, работой пока не заваливают, тренировками тоже — Сиблинг успокоился, — баба — пардон — женщина есть. Что еще нужно?

— Наверное, ничего.

— Ты счастлив с ней?

— С кем?

— Со своей Милой.

Тишина.

— Канн?

Тяжелое молчание.

— Аарон?

— Что?

— Ты ее любишь? Рад ее присутствию в своем доме?

И вновь вопрос остался без ответа.

— Ну, она тебе хотя бы нравится?

Затяжка, выпущенное под потолок облако дыма. Хозяин особняка тяжело, скрипнув стулом, поднялся с места, подошел к окну, открыл форточку — в его движениях Баалу виделась обреченность.

— Она... хорошая, — послышалось спустя минуту. — Не придраться: стирает, убирает, постоянно что-то готовит, заботится.

На слове «заботится» во фразу почему-то и вовсе забралась грусть.

— Но я спросил не об этом.

Аарон какое-то время молчал — стоял, опершись на оконную раму, смотрел во двор, затем повернулся. Отозвался и вовсе неохотно.

— Что ты хочешь услышать? Я и сам многого понять не могу. Она ждет от меня кольцо, понимаешь? Мы уже месяц, как вместе. Злится, что я не рассказываю ей, кем работаю, дуется, когда не отвечаю на вопросы. Но я не готов. Я... не пойму.

— «Она» или не «она»?

— Да.

Теперь замолчал и потягивающий чай брюнет — долго смотрел в чашку, размышлял о том, какой стоит дать совет.

— Иногда для того, чтобы что-то стало понятно, нужно расстаться. Хотя бы на время.

— Угу, — ехидной крякнули от окна и прикурили вторую сигарету, — это как — «Ехай, Мила, отсюда?»

— Ну, можно не «ехай», а сказать, что тебе дали задание.

— Для этого придется объяснить, кем я работаю.

— А в чем проблема?

— В том, что она может этого не принять.

— Так пусть этот момент и станет для тебя показательным — *твоя* женщина примет тебя таким, какой ты есть.

Точно. Если уж Алеста приняла Баала, то почему бы Миле не принять Аарона? Вот

только Канн отчего-то не был ни в чем уверен.

— Думаешь, временное и «вынужденное» расставание поможет мне разобраться?

— Больше, чем если ты продолжишь сидеть на собственной кухне и жалеть себя.

— Я не жалею, — рыкнули зло.

— Я вижу.

Регносцирос бывал излишне прямолинейным и часто жестоким, но Аарон ценил эти качества.

— Оторви уже жопу, открой ей правду и вали на задание. На несколько дней, а еще лучше — на пару недель. Гарантирую: вернувшись, ты будешь знать ответы на все вопросы и перестанешь походить на хлюпика.

— Ну ты и %!%!

— Не был бы ты моим другом, давно уже отправил тебя тоже «на тот свет», — отрезал Баал грубо в ответ на неличеприятное и матерное описание себя самого.

— Мечтай!

— Теперь ты становишься похожим на самого себя.

Канн раздраженно затушил в пепельнице сигарету.

— На хлюпика... нет, ты посмотри на него... задница ты волосатая.

— Точно — похож.

Мужчина в рубашке и шортах вернулся к столу, вылил в раковину недопитый чай, оперся руками на спинку стула и спросил:

— Только заданий у нас пока нет — где я их возьму?

— Заданий, может, и нет, — ответили ему сухо. — Вот только Дрейк пока «не кончился», а если так, то что-нибудь для тебя подыщет.

— Думаешь, стоит спросить?

— Думаю.

Баал заметил, что, размышляя над сказанным, Канн впервые за этот вечер просветлел лицом.

Это началось три месяца назад.

Стоило друзьям заметить, что стратег начал грустить на общих «семейных» сборищах, как на вечеринках, обычно проходящих в узком и тесном кругу, вдруг начали появляться незнакомые личности — сплошь девушки. То вдруг Лайза приведет с собой «знакомую», то Шерин, то Элли — и откуда только у них столько незнакомых ему *знакомых*?

Когда он в четвертый раз подряд обнаружил среди прочих новое лицо, Канн начал подозревать неладное — его пытались «свести». Однозначно. Сажали возле «подружек», усиленно пытались вовлечь в разговор, старались подыскать им общую для беседы тему.

С подобных потуг Аарон быстро озверел.

— Хватит! — заявил он друзьям прямо. — Когда сам кого-то найду, тогда и приведу к вам. А вот специально *для меня* никого водить не нужно.

Незнакомки моментально кончились.

И хорошо. Потому что Лилиан при первой же встрече попросила «проводить» ее домой и совершенно очевидно намекнула, что не прочь продолжить более тесное знакомство (кому нужна подстилка?), Даяна отчаянно краснела, когда смотрела на него (Канна подобное жеманство откровенно бесило), а с Роуз он не выдержал и пяти минут — та беспрестанно говорила о шмотках и моде.

Ужас.

Милу же он встретил сам. По крайней мере, хотелось в это верить. Они познакомились в баре: Аарон отбил ее у подвыпившего забулдыги, слишком напористо клеившегося к симпатичной особе, — сломал тому руку, а даму вызвался проводить домой.

По дороге о чем-то говорили — о чем-то пустом и неважном; накрапывал дождь. У подъезда он не стал ее ни целовать, ни спрашивать телефон. Спокойно выдержал разочарованный взгляд, развернулся и зашагал прочь.

А через три дня после долгих сомнений и раздумий самостоятельно нашел ее номер в справочнике, позвонил и предложил встретиться.

На том конце согласились с такой готовностью, будто все три дня ждали его звонка.

Он все еще продолжал рассматривать спящую в его постели женщину, когда та пошевелилась. Сонно заморгала, прищурилась, открыла глаза. Улыбнулась.

— Не спишь?

Он так и не погасил ночник.

— Не сплю.

— А чего так?

Его тут же обняли теплые руки — обвилились вокруг шеи, притянули к себе. Поцелуй длился несколько секунд; Мила пахла фиалковыми духами, сном и их предыдущим занятием любовью, которое случилось незадолго до прихода Баала. Она хотела — он помнил — принять душ, — но так и разнежилась у него в руках, уснула.

А теперь ее длинные ресницы вздрагивали, губы нежно улыбались, а взгляд серо-зеленых глаз скользил по его лицу.

— Голодный?

— Нет.

— Кто-то приходил?

— Друг.

— Я слышала, как жужжал телефон...

— Он уже ушел.

Тишина; шорох простыней. Аарона погладили по плечу.

— Хочешь, я потру тебе спинку в ванной?

Она была идеальной. Слишком идеальной — на грани приторности. Но никогда эту грань не переступала, и Канн иногда не мог понять, отчего начинает раздражаться.

— Не сегодня.

— А что у нас будет сегодня?

— Разговор.

— Да? — тень испуга в глазах быстро сменилась любопытством. — Расскажешь, наконец, откуда у тебя на виске шрам?

— Нет.

Губы бантиком, было, надулись, но хозяйка быстро вернула им былую форму — спокойного улыбающегося рта.

— Я готова. Слушаю. О чем будем говорить?

Аарон смотрел на лежащую рядом женщину с завуалированным сомнением и какое-то время хранил молчание. Затем, наблюдая за реакцией, изрек:

— О том, кем я работаю.

Ланвиль. Уровень Четырнадцать.

С утра серое море бесновалось — дул сильный ветер, — а к обеду вдруг утихло, успокоилось и почти уснуло — лишь на поверхности волн играли, напоминая о предыдущем ворчании стихии, пенные белые барашки.

Искрило яркими лучиками на воде солнце; перекачивалась под подошвами темная и влажная галька; небо вдалеке хмурилось.

У моря Райна не боялась плакать — слезы казались ей естественным продолжением этого места — солеными на лице брызгами. Не печалью, не болью — просто воспоминаниями, которые, скатываясь по щекам, тонули в скрипучем между камнями песке.

Воспоминания.

Много воспоминаний.

Все, что ей осталось.

— Почему, прежде чем «полюбить» женщину, нужно обязательно поставить ее на колени? Зачем? — она до сих пор не знала настоящего имени того, с кем встречалась уже неделю. — Неужели тебе не стало бы приятнее, если бы женщина признала твое главенство сама, без насилия?

Джокер какое-то время размышлял; тогда Райне еще казалось, что разговоры могут его изменить — повлиять на мировоззрение, открыть затхлому от заскорузлых принципов уму новый угол зрения, растормошить, заставить взглянуть на вещи по-новому.

Зря казалось.

— Нет, мне приятнее подчинять самому.

— Для чего? Чтобы доказать собственную силу, превосходство? Неужели нельзя чувствовать все это без постоянного «доказывания»?

Они сидели в его машине — он, заехавший на пять минут в рабочий перерыв, она, сытая после обеда, выпитого кофе и только что съеденного десерта.

— Тебе не кажется, что ты лезешь не в свое дело?

Райна насупилась.

— Я просто пытаюсь понять.

— Я — доминант, господин, и мне это нравится.

Да уж, доминант. Только если Аарон был «хорошим» доминантом в правильном смысле этого слова, то Джокер являлся его полной противоположностью. Хотя поначалу ей нравилось с ним целоваться и заниматься сексом — до того момента, пока он не переходил в откровенную вульгарность...

— Но зачем...

— Тебе не кажется, что ты слишком много болтаешь?

На них, сидящих в сверкающей белой Лунди, смотрели проходящие мимо люди.

— А ты разве заехал не для того, чтобы меня увидеть? Чтобы поговорить?

— Со шлюхами не ведут длинных бесед — шлюх используют для удовольствий. Я хочу, чтобы ты у меня отсосала.

— Прямо здесь? — Райна поперхнулась. Ей не хотелось ни сидеть с ним в одной машине,

ни, тем более, сосать. Десерт был вкусным, а от предвкушения вкуса долбящегося в горло члена делалось муторно и начинало тошнить.

— Я не хочу.

— Зато хочу я. А ты просто еще не знаешь, хочешь ты этого или нет.

Хуже всего было то, что иногда Райна начинала ему верить: она просто сама не знает, чего хочет. И разве она сама после того, как все заканчивается, — когда на мужском лице расплывается довольная улыбка, — не чувствует радость? Чувствует. Тогда кто же из них прав — он или она?

Додумать не получилось; ей на затылок легла жесткая и теплая ладонь, толкнула голову вниз, к черным джинсам.

К клубу «Майон», несмотря на довольно поздний час и морозящий на улице дождь, тянулась длинная очередь. Длинноногих девушек на шпильках, чьи зады едва прикрывали лоскуты серебристой ткани, не смущал ни промозглый ветер, ни превращающая изысканные прически в мокрые гнезда сырость. Мужская часть очереди была под стать женской — тонкие расстегнутые на груди, чтобы были видны тату и украшения, рубашки, модные ситцевые, вошедшие в тренд только в этом сезоне брюки, намазанные гелем волосы. И «поголовно» (или тут лучше подошло бы слово «поножно»?) яркие кроссовки.

Райна, выходя из такси, поморщилась — что за безвкусица? Для чего отдавать дань моде, если эта самая дань бескомпромиссно превращала мужчин в геев, а женщин в проституток?

Сама она оделась в длинное облегающее платье — черный расшитый кокон, скрывающий ее от шеи и до пят; черные длинные волосы вились, макияж безупречен.

Хлопнула дверца машины; под дождь из выхлопной трубы вырвалось облако газа, а из-под колес лужи.

Охранники перед мисс Полански раздвинулись, как двери лифта, — узнали без дополнительного идентификатора — она являлась здесь частым гостем. Нет, не в том «Майоне», который располагался на первом этаже и включал в себя барную стойку, место для тусовок и вечно грохочущий танцпол, а в другом «Майоне», для элиты, — том, что находился этажом выше и был прекрасно изолирован от непредназначенных для созерцания его стен глаз.

Туда Райна и направилась.

Ощущая дискомфорт от узости платья при ходьбе, поднялась на второй этаж, кивнула еще двум вышибалам и вошла в распахнувшиеся высокие двери.

И тут же очутилась в совершенно другом месте, куда не пускали тех, чьи цифры на счетах не впечатляли владельца этого места — придирчивого и избирательного мистера Финна.

Впрочем, самого мистера Финна Райна никогда не видела — про него говорили просто: «Загадочный толстяк, интересно бы взглянуть...»

Ей было неинтересно.

Она выбрала привычный ей столик, наполовину скрытый перегородкой, опустилась на мягкий пружинящий диван, пальцами подала знак официанту — тот кивнул. Угу, значит, коктейль «Лоррана» сейчас будет. И славно.

Было неизвестно, что принесет этот вечер — быть может, общение, которое доставит ей удовольствие, или же одиночество, которое вновь навеет грусть, — но пребывание в «Майоне» куда лучше пребывания дома, особенно после очередного неудавшегося портрета.

Тот единственный, который более-менее удался, Райна повесила у себя в спальне — на нем Канн сидел спиной в кресле, смотрел в окно и курил. Ее Канн. Такой, каким она его помнила.

А вот лицо опять не вышло — черт бы его подрал.

Принесли «Лоррану».

— Повторите сразу.

Ей услужливо кивнули.

Сюда приходили за разным: чтобы выпить, пообщаться, почувствовать себя «другим» человеком (если хватит денег), подыскать себе достойного собеседника — образованного и с хорошими манерами, — либо для того, чтобы встретить, если повезет, богатую вторую половину.

Некоторым везло.

Специальные зоны для курения, столы для карточных игр, уголки для уединения, залы для шумных и больших компаний — места хватало всем. У длинного, похожего на перрон для поезда барного стола, собралась компания из трех женщин — Райна знала их всех, — в углу серьезно и по-деловому общалась группа мужчин; за дальним столом, потягивая пиво, пристально изучал присутствующих женщин стильный, но неприятный типок. Наверное, искал даму на вечер. Обладательница «Лорраны» наткнулась на его любопытный взгляд и отвернулась.

Тоскливый дятел.

Доры нигде не было видно. Жаль, вот с ней бы она «потусила» — да, пусть окруженная престарелыми ловеласами и слушая скабрзные, зачастую вульгарные шутки, — но однозначно провела бы вечер в удовольствии.

Интересно, почему не показывается старая подруга? Уж не случилось ли чего? И получила ли она переданные ей накануне бумаги?

Прежде чем направиться к стоящей у бара группе женщин, Райна решила, что обязательно навестит старуху и поинтересуется ее здоровьем.

— Не знаю насчет новой машины — это так предсказуемо!

Молвил яркий красный рот Марианны Дорсет, и остальные почему-то спешно согласились с главной нимфеткой Ланвилля — по крайней мере, именно так часто называли роскошную блондинку ухажеры.

— Украшения, поездки, тряпки — все это так избито...

— А что не избито? — почти грубо вторглась Райна в чужую беседу. — Каким должен быть подарок, чтобы по душе?

— Ну... — Марианна растерянно хлопнула длинными покато загнутыми, как свод обсерватории, ресницами — видимо, и сама не знала ответа на этот вопрос, — ...чтобы удивило.

— Чтобы удивило, можно подарить и теплый свежий кусок дерьма, — Райна отхлебнула коктейль. Разве не удивило бы?

— Фу, Марго, какая ты пошлая!

Зато не приторная.

— Так какой подарок тебе понравился последним — назови.

«Подружки» с внимательным любопытством переключились с подошедшей брюнетки на блондинку.

— Ну-у-у, — снова неопределенно потянула та, — путешествие по снежным пикам Антильи было неплохим...

— Оно само или шампанское в поезде?

— Шампанское тоже было неплохим, — Дорсетка не обиделась — то был неоспоримый плюс ее характера — она никогда не обижалась на самом деле. Однако прекрасно и в нужно месте капризничала перед мужчинами — прирожденный манипулятор.

Интересно, как быстро Джокер бы поставил ее на колени?

Эта мысль едва не испортила настроение, и холеная Марго попыталась отпихнуть ее прочь.

Не сегодня. Не сегодня...

— И икра. И даже мягкий хлеб с луковыми кольцами...

— В общем, горных вершин из окна ты так и не заметила.

— Вот поэтому ты не настолько успешна, насколько я, — улыбнулась Марианна, — ты слишком прямолинейна и категорична. Ну, разве это важно, что именно дарит мужчина? Важен сам факт того, что он умеет баловать...

Баловать.

Джокер умел баловать. Особенно когда Райна становилась «хорошей» сразу же после того, как побыла «плохой» и наказанной. Униженной жестким и грязным сексом, после которого чувствовала себя подстилкой, — такого занятия «любовью», после которой хотелось год отмываться.

Да. Баловать.

Обиженную, со стоящими в глазах непролитыми злыми слезами, он вел ее по магазинам — выбирал новую косметику, духи, белье, украшения — все на свой вкус, — а после отпаивал кофе и кормил десертами. Осыпал комплиментами, говорил ласково, восторгался ее телесной и душевной красотой.

И Райна постепенно оттаивала — по крайней мере, поначалу. Прощала — «мол, с кем не бывает? Наверное, опять сорвался». Но к подаркам никогда не прикасалась — они казались ей ядовитыми.

А когда к концу второй недели, когда она заявила, что не желает больше именоваться «шлюхой», ибо все ее мысли почему-то стали сводиться к тому, как стать для него «хорошей» (а ей это не по нраву), «баловать» ее моментально перестали.

Черт, обещала же себе не думать о нем — не в этот вечер.

Срочно отвлекься, срочно отвлекься — только на кого? Взгляд Райны заскользил по залу — прошелся по бизнесменам в углу — скучно, — только что вошедшей в двери высокой и худой женщине — еще скучнее, — на секунду задержался на парочке молодых парней — не то, не то, все не то...

И вдруг наткнулся *на них* — незнакомых мужчину и женщину.

Она: стройная, аккуратная, в коротком, *но не слишком коротком*, синем платье на молнии и с изящной брошью на груди — симпатичная, миниатюрная, живая. Он: статный брюнет, каких любят печатать на широкоформатных разворотах журналов — в черном костюме, с дорогими часами, в ботинках из тонкой кожи, с правильными приятными чертами лица...

Все мелочи Райна заметила на автомате; куда сильнее ее привлекло другое — они были

настоящими — эти люди. *Их чувства были настоящими.*

Взгляд из-под ресниц: «Ты не уйдешь сегодня?»

И касание его руки: «Не уйду. Я всегда буду с тобой».

«Всегда — это слишком... напыщенно... Людям не дано знать, что такое «всегда», — мелькнувшая на ее лице обида.

«Мое всегда — это пока ты рядом, — утешающий взгляд напротив. — Веришь?»

Даме его сердца хотелось верить, хотелось сильно.

И в голове Райны, наблюдающей за ослепшей от любви друг к другу парой, вдруг всплыли строчки:

*«И терпко. И сладко. И страшно до дрожи,
И голос не нужен. Все чувствует кожа.
И шаг, что навстречу, — он вот он. Он близко.
Лететь высоко. Или падать. И низко.*

*Но греет безмерно пожатие пальцев
Двух в чем-то так сильно похожих скитальцев,
А пламя в глазах не дает отступиться,
Отдать призывает. Поверить. Открыться...»*

Откроется ли она ему? Поверит? Допустит ли до самых сокровенных слоев души? И не обидят ли ее в ответ?

«Люблю, — вдруг прошептали мужские губы — Райна не услышала, прочитала по ним слова. — Люблю тебя, слышишь?»

И вдруг почувствовала бегущую по собственной щеке слезу.

Залпом допила вторую «Лоррану» и вызвала такси.

Звонили и просили разное: мужчину постарше, мужчину помоложе — с бородой, без бороды, усатого, лысого, брутала, сублильного... Иногда интересовались бизнесменами, модниками, ласковыми — например, умеющими предоставлять профессиональные оральные ласки, — с длинным пенисом и покороче. Заказывали даже двоих или троих.

Но никогда еще, судя по голосу администратора дома «Мужчина на заказ», не просили то, что просила Райна:

— Да, мне с театральным образованием. Либо выступающего на сцене, либо состоящего в актерском кружке.

Ее спросили: «Вам похожего на кого-то из известных актеров?», и заказчица поморщилась:

— Мне все равно, какой внешности. Но чтобы с актерским талантом.

После длинной паузы ей пообещали, наконец, выполнить просьбу.

Когда спустя сорок минут в дверь позвонил человек, ему открыла одетая в длинный пеньюар хозяйка квартиры, проводила в просторную комнату, позволила раздеться, дождалась, пока будет готов слушать и уведомила:

— Я плачу двойную ставку, если вы признаетесь мне в любви так, чтобы я вам поверила.

— Что?

— Признание.

— В любви?

— Да. Это так сложно?

Мужчина — на вид около тридцати пяти, одетый в вязаный джемпер и джинсы, со стильной прической на длинных волосах, — взглянул на нее со смущением и прочистил горло.

— А...

— Нет, — отрезала Райна, — сексом мы заниматься не будем.

— Даже после признания?

— Даже после него.

Она отхлебнула из бокала янтарную жидкость — вино?

— То есть в любви.

— Да, в ней.

— А если вы не поверите?

— Не заплачу ни цента.

«Актер» взглянул обиженно. Но через секунду о чем-то задумался с увлечением. Попросил:

— Мне нужно отрепетировать.

— Репетируйте, — тяжелые черные волосы скользнули по шелковой ткани и мягким шорохом — качнулась голова. — Ванная там.

А спустя час она уже снова сидела на крыше и смотрела на затянутое белесой дымкой ночное небо; актер ушел.

— Он так и не смог, знаешь? — шептала Райна кому-то, сидя на шезлонге. — У него не вышло сказать так, чтобы я... Чтобы я поверила, как тебе. Вот тебе я всегда верю — каждому слову...

Ее собеседник привычно молчал.

— Я опять напилась, да? Но ты же меня не судишь?

Тишина; с проспекта внизу доносился далекий гул машин.

— Не судишь, я знаю. Наверное. Только... пьющая или нет, я все равно тебе не нужна. Никогда не была нужна. Никогда.

И вниз вдруг полетел вышвырнутый за парапет пустой бокал из-под шампанского. Когда и где он приземлился, Райна уже не слышала — она горько плакала, уткнувшись носом в неприкрытый и потому отсыревший матрас на шезлонге.

Нордейл. Уровень четырнадцать.

— Аарон, ты что, совсем разучился себя чем-то самостоятельно занимать? Ты смотри — заставлю тебя мести парковку перед Реактором.

— Начальник, да я же не прошу чего-то особенного — ну, хоть какое-нибудь задание. Неужели ничего нет?

— Пока ничего. Ты порадуйся, что на Уровнях тихо, отдохни.

Стратег, очевидно, отдыхать не хотел; Дрейк смотрел на него с любопытством.

— От кого бежишь-то?

— Ни от кого, — буркнули в ответ. — Просто поработать хочу.

Человек в серебристом костюме неторопливо прошелся по абсолютно пустому, не считая стола, кабинету, взглянул в окно, затем уставился непроницаемым взглядом на подчиненного. Усмехнулся:

— Я смотрю, с тех пор, как Сиблинг занялся личной жизнью, вы совсем распоясались. Заданий на прошлой неделе тебе не хватило? Я специально для тебя должен создать Уровень: головоломку или второй Уровень «F»?

«F» бы ему сейчас подошел — Канн даже сглотнул с предвкушением.

— Дрейк...

— Аарон, я много лет Дрейк. Столько, сколько другие не живут. Но нянькой для тебя работать не буду, даже когда выйду на пенсию.

«Если выйду», — прохладно посмеивались серо-голубые глаза.

— Понял. Отстал. Пошел «мести парковку».

— Давай. И мусор из урн у входа вынеси.

То, что наемник прозубоскалил, выходя из кабинета, Дрейк Дамиен-Ферно предпочел не слышать.

Из Реактора Канн вышел еще злее, чем вошел в него.

«Сходи к Дрейку, тот найдет тебе задание...» — уверенно звучал в голове голос Баала.

Ага, нашел! Восемь раз нашел, и еще на следующий год осталось — Канн едва не сплюнул на землю. Куда теперь — домой? К Миле? Она вроде бы что-то говорила про их совместный поход в торговый центр — похоже, это не Дрейк, это он — Аарон — скоро превратится в няньку-прислужницу, верного проводника своей несостоявшейся еще второй половины...

Салон машины неприятно прогрелся под солнцем — в нем стало душно.

Аарон хлопнул дверцей, вставил ключ в замок зажигания и тут же включил кондиционер. Приятно зашумело; из радиаторов потянуло прохладой.

Куда теперь? Съездить в тир? Пригласить Эльконто, если тот не в штабе, на озеро? Но тогда придется звать и Ани-Ра, и остальных — желательно с дамами.

А если так, то придется вести с собой Милу.

Блин.

Мила.

Удивительно, но она так и не влилась в их, казалось бы, более чем разношерстную, компанию, куда влилась и тихая Меган, и задорная Лайза, и иноземная Бернарда, и даже экзотическая Тайра. Не говоря уже о даме снайпера, которая вообще до знакомства с ними никуда «вливаться» не желала.

А вот Мила пока «не прижилась».

На Баала при первой же встрече она взглянула с откровенным ужасом, на косичку Дэйна — с плохо скрытым презрением, на холодный взгляд Декстера отреагировала полнейшим высокомерием. Мда.

При приготовлении ужина попыталась перехватить инициативу, получила мягкий упрек от Шерин, на несколько минут притихла, а после спросила с удивлением:

— А почему вы только сервируете стол, а готовит вам нанятый повар? Разве дамы не должны готовить своим кавалерам самостоятельно? Ведь так будет и правильнее, и вкуснее...

Антонио обиделся.

Следом, видимо, обиделся и Хвостик, и Элли (хоть последняя и попыталась это скрыть), и даже умолкший на остаток вечера Рен.

Аарону показалось, что «приводом» Милы он обязал всю компанию одеться в узкие, тесные и крайне неудобные трусы.

Она еще не привыкла к ним, а они к ней, так?

Канн знал — друзья постараются сделать все от них зависящее, чтобы новой даме стало уютно и тепло в их компании. Вот только постарается ли сделать то же самое пока еще не ставшая «миссис Канн» Милана Кросс?

Смска пришла неожиданно и вывела сидящего человека из транса; включенный на полную мощность кондиционер за несколько минут нагнал в салон столько прохлады, что Канн поежился. Уменьшил напор воздуха, достал из кармана телефон и удивленно крикнул — номер два икса пять. Ба-а-а, да это же самый главный и известный по всем Уровням Осведомитель. Давненько не писал, давненько — изредка они даже пользовались услугами этого странного типа, способного напрямую, подобно представителям Комиссии, подключаться к информационному полю мира.

Чего он хочет?

После снятия блокировки, на экране развернулось текстовое сообщение:

«Вами интересуется некто Марго Полански. За информацию платит много. Предоставить?»

Аарон некоторое время перебирал в голове своих знакомых и тех, о ком когда-либо слышал, но имя Марго Полански среди них не значилось. Спустя минуту он решительно набрал — «нет».

Получил ответ: «Принято», вернул телефон в нагрудный карман и вывел машину с парковки Реактора.

На урны у ворот взглянул с раздражением — пусть их по приказу Начальника чистит кто-то другой.

— Скажи, ну зачем... — он едва не сказал «на кой ляд?», — ...нам новый чайный сервиз? Мы у себя в гостях собираемся принимать высокопоставленных лиц?

— А что, чай пьют только высокопоставленные лица?

Мила выглядела искренне удивленной. Одета в красный брючный костюм, с аккуратной прической и макияжем, она напоминала ему куколку — фарфоровую игрушку, какие обычно выставляли для туристов в сувенирных магазинах. В чепчиках.

— К нам ведь изредка будут заходить твои друзья?

«Твои друзья» прозвучало так, будто его друзья пожизненно собирались остаться *его* и ни в коем случае *ее*.

И еще неприятно резануло слух намеренно безударное «изредка» — Аарон вдруг почувствовал себя так, будто попал в ловушку.

— А твои не будут? — неожиданно зло спросил в ответ.

Мила не обиделась — кивнула с готовностью:

— Будут.

Ему почему-то не полегчало. А что, если ее подруги такие же, как и она сама? Спросил сам себя: «Какие?» — и сумел подыскать лишь одно подходящее определение — правильные. Слишком.

— А те чашки, что уже есть в доме? Их куда — на помойку?

— Зачем на помойку? Ты же любишь пить из них чай?

— То есть я буду из своих, а «друзья» из сервизных? Для чего вся эта показуха?

— Зачем ты так говоришь?

На этот раз Мила обиделась. Взгляд остыл — будто на пруд в солнечный день опустился туман, — накрашенные губы поджалась, между тонкими бровями пролегла едва заметная морщинка. Эту морщинку за последние два дня, с тех пор как рассказал ей о своей работе, он видел слишком часто.

«Аарон, это же так опасно! А как же я? Ты обо мне подумал? Как я буду себя чувствовать, зная, что ты уходишь выполнять опасные задания? Ведь у тебя прекрасные физические данные — ты легко мог бы подыскать другую работу. Я буду волноваться, понимаешь? Все время волноваться, каждую минуту...»

Лайза волновалась? Да. Но не ныла. А Меган? Наверное, сколько-то. Но тоже не ныла. Терпела «опасную» работу Халка Шерин, каким-то непостижимым образом сносили ее же у Декстера и Лагерфельда Элли и Тайра. Не волновалась, наверное, только Ани-Ра — сама могла кому хочешь башку гранатометом снести...

«Подыщи другую работу».

Он не хотел.

«Подумай обо мне...»

А почему никто не подумает о нем? Лучше бы погладила по голове и сказала: «Я буду очень тебя ждать».

«Почему ты не хочешь подумать обо мне?»

Раньше хотел. Но со временем хотел все меньше.

«А что, если с тобой что-то случится?»

Ну, случится и случится. В рот те ногу — как говорил Эльконто.

Он бесился от того, что они спорили так, будто прожили вместе не месяц, а, по крайней мере, лет десять. И всего за месяц успел невзлюбить изредка мелькающую во взгляде прохладцу и эту недовольную морщинку между бровями.

— Давай пойдем домой.

— Но мы же еще не купили тебе новую рубашку?

— Обойдусь без новой. У меня в шкафу достаточно одежды.

— Но ведь это совместный поход по магазинам... Это радость общения. Это ведь наше с тобой время!

«Это твоё время», — думал Канн зло, пока тащил Милу к выходу. Это и есть семейная жизнь? Это и есть «оно самое»? Тогда он, вероятно, пас. Секс, когда хочется, это, конечно, круто, но стоит ли оно всего остального? Наверное, он пока не просек чего-то важного.

Уже дома, запершись наверху и просматривая список объявлений по работе от гражданских лиц, он старался не слышать того, как Мила грохочет в раковине посудой, а после с усиленным рвением шоркает за дверью его кабинета и без того чистый пол в коридоре.

Экономку, которая в последние два года приходила к нему два раза в неделю и делала все то же самое, она попросила рассчитать.

* * *

Ланвиль. Уровень четырнадцать.

Старый приземистый одноэтажный дом, вокруг сиреневато-розовые от закатного света подтаявшие сугробы, свисающие с крыши остроконечные сосульки, а позади багряное в предсумеречный час небо...

Тесная кухня, кусок стола, заляпанная заваркой клеенка, позади выложенная кафелем стена. Две поварешки, нож с коричневой ручкой, выдавшая виды чашка с проходящей по цветочному рисунку трещиной — прорисовка на холстах поражала воображение; Райна помнила все детали.

Откуда ей в голову явилась эта чудесная идея — попробовать нарисовать не Канна, а все, что косвенно относилось к нему и той поздней зиме (самой чудесной зиме в её жизни), — она не знала, но депрессия вдруг отступила, а краски и кисти ожили в её руках. И за двое суток, прерываясь лишь на короткие перекусы, Райна нарисовала четыре картины: дом в Девенпорте, кухню — их кухню, — дверной проем в хозяйский кабинет, где напротив окна виднелось скрипучее кожаное кресло, и... тапки.

Странно, но тапки ей запомнились просто отлично — огромные, разношенные, как затопленные рыбацкие лодки, жесткие и вечно холодные. Она носила их каждый день — когда убирала прихожую, когда изредка выбегала на улицу, чтобы вынести переполненный мусорный мешок, когда пекла прощальный торт...

Нужно нарисовать еще шкаф с книгами, висящие рядом на стене остановившиеся часы и постель Аарона — ту самую, укрытую пледом, короткую, куда, наверное, не помещались, если вытянуть, его ноги...

Ей вдруг стало легко. Эти картины, в отличие от тех, где она пыталась изобразить его лицо, удавались — вдохновение не оставляло ни на минуту; Райна устрепалась разноцветными пятнами, как маляр, но на её лице впервые за долгое время играла улыбка. Она все помнит, помнит... То место, где она была счастлива, ту погоду, ту атмосферу — комнаты, крыльцо, прихожую, цвет пуховика, который они вместе выбрали для неё в магазине.

Не замечая мира снаружи, держа в руках кисточку, Райна полностью погрузилась в воспоминания.

Ее собственная кухня — куда просторней и богаче той, что все еще витала в воображении, — тонула в вечернем синеватом свете. Пустая, гулкая, такая же одинокая, как хозяйка. Хромированная поверхность просторной раковины, гладкий и белый бок похожего на объект из фантастических фильмов холодильника, яркие диодные лампочки индикатора температуры воды — этих — местных — деталей Райна не замечала.

Вместо дождливого лета, заглядывающего в окна пентхауса и ласкающего подоконники каплями, она продолжала тонуть в уютной, давно канувшей в прошлое зиме — там было хорошо и спокойно, там было правильно, там был он. В Девенпорте до сих пор хрустел под подошвами снег, там она была другой — живой и целой, — там будущее еще не было определено и потому манило ласковой неизвестностью.

В холодильнике еще остался кусок ветчины и хлеб, Райна наскоро соорудила «холостяцкий» ужин, заварила чай. Во второй раз за этот необычный и удивительно теплый по настроению день задумалась о том, что ей все-таки стоит вернуться к мечте и заняться тем, чем всегда хотелось, — созданием дизайна ювелирных украшений. Нужно будет купить блокнот — нет, лучше альбом — и начать рисовать. Изгибы дужек, окружности колец, их витые и сложные детали; подбирать под оправы формы драгоценных камней.

Зачем, почему она так долго откладывала любимое занятие в дальний ящик? Ведь теперь есть деньги, теперь можно не просто рисовать, но и воплощать нарисованное в реальности — начать серийный выпуск, открыть сеть салонов, придумать имя.

«Поиграться бы со своим настоящим именем и его — Аарона — фамилией. Придумать что-то такое-эдакое, чтобы никому не понятно, какой за всем кроется смысл, и чтобы красиво звучало...»

Из размышлений ее вывел пикнувший в кармане телефон — пришла смс.

Номер оказался странным и незнакомым — странный код, странные цифры, — но текст очень быстро все прояснил:

«Объект по вашему запросу не найден. Одна четвертая от запрошенной суммы изъята с вашего счета за проделанную работу. Успехов!»

Райна прекратила жевать бутерброд и отложила его в сторону — пропал аппетит.

Нет, она была готова к плохим новостям — по крайней мере, ей казалось, что она была готова, — но теплое воздушное настроение тут же ускользнуло в трубу.

За окном накрапывало; на кухне сделалось совсем темно — под потолком автоматически зажглись неяркие желтоватые лампочки. Забылся не купленный блокнот, испарились мысли про название для новых салонов, вдруг снова забылась мечта — обиженно мелькнула хвостом и скрылась в наваливающемся тумане депрессии.

Райне хотелось вновь провалиться в ту зиму — юркнуть в нее, как в теплую норку, схорониться там до лучших времен и заснуть. Но в стекла продолжало настойчиво и монотонно стучать сырое и равнодушное лето.

— Вы по поводу моих бумаг?

Следом за смс — не прошло и пяти минут — позвонил юрист Доры. Попросил принять его — сообщил, что это важно, но причину визита из холла внизу пояснять не стал; Райна нажала кнопку открытия дверей подъезда.

Сейчас он поднимется и скажет, что тоже ничего не нашел. Ни одной зацепки, ни одной неверно сформулированной фразы — ни-чего-го. Как же, ведь это Комиссия! Неужели

они могли где-либо ошибиться? Быть такого не может...

Настроение продолжало стремительно портиться. И почему плохие новости никогда не приходят в одиночку?

Она приняла его в кабинете, как и положено человеку, чье состояние начинает затыкать за пояс всякое «хочу» и настойчиво водружает во главу всего извечное «надо». Надо прилично выглядеть, надо вести себя подобающим образом, надо проявлять манеры...

Манала она это гребаное «надо»!

Однако наспех вымыла руки, сменила рабочий комбинезон, в котором творила в мастерской, на блузку и брюки, отодвинула в угол графин и прилегающий к нему стакан, протерла скопившуюся за день пыль рукавом.

На стук в дверь ответила коротким «Войдите».

Он оказался чем-то похожим на Рида — может, еще более тощим и высоким, долговязым, с узким подбородком и седыми висками. В очках, с морщинками вокруг губ, с излишне хмурыми, почти сведенными к переносице бровями.

— Ничего не нашли? — поинтересовалась Райна вместо приветствия — к чему тянуть резину? Пусть скажет прямо, а после катится на все четыре стороны, если даже его великий ум не помог ему отыскать то, на что надеялась старая подруга.

— Простите?

Девушка за столом потерла, а после помассировала виски. На гостя взглянула устало, но без злости.

— Сейчас вы скажете, что изучили приговор Комиссии, но зацепок для того, чтобы подать на апелляцию не обнаружили, о чем и решили сообщить лично. Верно?

Юрист прочистил горло; Райне вдруг стало стыдно, что она не спросила его имени, не предложила чаю, вообще не повела себя, как подобает гостеприимной хозяйке.

— Не совсем.

Он что-то держал в руках. Черный пакет, который удивительным образом не гармонировал с его внешностью — дорогими брюками, ботинками и пиджаком.

Райна только теперь заметила, что стоящий перед ней мужчина чем-то выбит из колеи. Растерян? Наверное, кажется.

— Я пришел сообщить вам неприятные новости.

Тишина.

— Я с самого начала знала, что вы сообщите мне неприятные новости, — сухой смешок. — Вопрос лишь в том, какие именно?

— О мисс Доре Данторини.

Еще более долгая пауза.

— А что с ней? Она зовет в гости? Приболела?

— Боюсь, что нет, — юрист точно пребывал «не в себе» — долго молчал, жевал нижнюю губу, поудобнее перехватил сверток.

Что-то было не так. Что-то однозначно было не так, и Райна вдруг разволновалась — ощутила, как ускорило ритм сердце, как отчего-то вспотели ладони.

— Что? Говорите уже, не тяните.

Человек напротив и не собирался.

— Мне грустно быть тем, кто сообщает вам подобное, но вчера вечером мисс Дора Данторини скончалась.

Райна вдруг перестала дышать и даже слышать. Скончалась? Скончалась?! Быть не может...

— Увы, — юрист печально кивнул. — Она письменно обязала меня передать вам вот это.

И черный пакет с шорохом лег на поверхность стола рядом с графином.

«Остановка сердца. Причины не найдены».

Скончалась.

В последние дни она не появлялась на вечеринках — наверное, болела, — а Райна так и не нашла времени, чтобы заехать и проведать старую подругу. А ведь хотела, очень хотела — почему же не сделала?

«Похороны назначены на завтра. Приходить не нужно. Мисс Данторини попросила кремировать ее останки без свидетелей...»

Душно. Нечем дышать.

В пакете обнаружилась шкатулка с драгоценностями, и Райна, слепо глядя перед собой, один за другим перебирала перстни; юрист давно ушел. Эти перстни она видела на морщинистых пальцах всякий раз, когда приходила в огромный, стоящий отдельно от остальных домов особняк.

Дора любила перстни.

Что-то треснуло, накренилось еще больше. Вдруг стало тоскливо и зыбко, как бывает в тот момент, когда понимаешь, что мир снаружи хрупок. Еще более хрупок, чем тот, который внутри.

Когда в стакан лился скотч, руки Райны дрожали.

Глоток, еще глоток. И еще. Внутри одновременно холодно и жарко, в сердце пусто.

Зачем уходят те, кого любишь? Почему? И почему то, насколько сильно ты их любил, становится понятно лишь тогда, когда к тебе приходят и говорят: «его/ее больше нет»?

Нет.

Страшное слово — приговор. Хуже того, который дали Райне, — много хуже. Не заехать, ничего не сказать, не исправить.

Не успеть.

Уже никогда не успеть.

А златовласая — на самом деле седая — Дора любила смеяться. Иногда весело, иногда грустно, иногда с сарказмом, иногда с печалью. Любила шутки, ментоловые сигареты, любила Райну, которую звала Марго. Ей было все равно «Марго» или «Райна» — она любила проходящего к ней человека, его душу.

«А то, что в пакете, предназначается вам. Изучите содержимое внимательно. Если будут вопросы, позвоните...»

Позвоните.

Уже юристу, не Доре. Потому что Доры больше нет. Нет больше дома, куда можно прийти, нет маленьких кремовых пирожных, от которых можно отказаться... Когда уходит человек, уходит в небытие целая Вселенная, и на ее месте вдруг образуется пустота. Вещи есть, предметы есть — мебель, стены, одежда, — а энергии уже нет. Потому что нет человека, которому они принадлежали.

Перстни жгли пальцы; Райна не замечала того, что глядя на них, она беззвучно сотрясается от рыданий.

Над домами перемигивались звезды.

Они будут здесь перемигиваться и потом, когда все уйдут. Им все равно, кто жив, а кто мертв, — они светят не для кого-то, они светят потому, что созданы светить. И нет в том великого умысла — лишь воля Создателя.

Спустя два часа после прихода юриста распогодилось. И похолодало.

Сидя на краю матраса, Райна впервые не позволяла себе провалиться в иную реальность — ту, в которой существовал воображаемый Аарон. Нет, она намеренно пребывала в этой — настоящей, гулкой и жестокой.

Устала. Почему-то только теперь она осознала, насколько сильно от всего устала.

Один звонок. Одна просьба. Одна инъекция.

Шрамы с тела не уйдут, а на душе добавятся новые. Там и так уже нет места — все в синяках и кровоподтеках. Больное сердце, скукоженное от боли, уставшее от одиночества — сколько можно терпеть? И зачем терпеть?

Как долго еще стоит притворяться, что Аарон иногда лежит на соседнем шезлонге, что слышит ее, разговаривает с ней? Зачем?

Его нет. Давно нет.

А теперь нет и Доры.

Райне казалось, что для нее в целом мире никого нет. И никогда не было. Одни лишь дурацкие встречи, испытания, уроки, наказания; пальцы скользили по экрану телефона, на котором угрюмо и притягательно светился номер доктора Хатса.

Один звонок.

И все.

Вот так просто.

Велика ли ценность отдельно взятого человека, если грань между жизнью и смертью столь хрупка? Ведь никто, когда заносишь над пропастью ногу, не скажет тебе: «остановись!», не потянет за руку, не дернет прочь от опасной черты. В чем ценность, если сегодня «есть», а завтра «нет»? И никому нет дела...

В чем. Тогда. Ценность.

Наверное, инъекция подействует быстро. А потом будет отдых. Навсегда.

В пакете нашелся и лист бумаги — его Райна заметила не сразу. Читать в кабинете не стала — не смогла от застлавших глаза слез, — а теперь собиралась сделать это здесь, сидя на крыше, чтобы тогда, когда она все-таки наберет номер доктора Хатса, за спиной не осталось неоконченных дел.

Не нужны они.

Еще одна боль — завещание. Нужно его просто прочитать. Грустно. Но то будет последняя грусть.

Последняя, как говорят в фильмах, в этом сезоне.

Сезон пора закрывать.

Развернутый в руках лист шевелил прохладный ветер; блестел под луной сырой пол террасы. Завещание Райна читала при свете экрана телефона.

«Дорогая Марго!

Я оставляю тебе все свое состояние...»

Черт, ну зачем! Зачем ей деньги, когда и так много? Разве в них счастье? А человека на

них обратно не купишь, не вернешь — притихшая, было, Райна вновь принялась плакать.

«... не спрашивай, почему тебе, — наверное, потому, что, кроме тебя, у меня никого нет. Особняк, впрочем, сберегу для себя — не обижайся. Его унаследует один мой хороший знакомый — ему всегда нравилось его расположение. А у тебя своя квартира — просторная и прекрасная. Так что, не думаю, что ты в обиде...»

В обиде? Она не в обиде — сидя на крыше небоскреба, она уходила вместе с Дорой. Угасала.

«А грустить ты не вздумай — уходить не страшно. Страшно жить, как будто ты уже мертва — ты ведь знаешь, о чем я? Собственно, поэтому я и царапаю эту бумажонку (делать мне больше нечего!). Нет, отнюдь не для того, чтобы порадовать тебя добавившимися к твоему и без того не маленькому состоянию миллионами, а именно за тем, чтобы кое о чем попросить...»

Попросить? Райна вытерла слезы, собралась духом и решительно продолжила чтение. Все, о чем бы ни попросила напоследок Дора, она выполнит. Обещает. Клянется. Шкуру с себя спустит, а не отступится.

Но следующие строчки ошеломили.

«Найди его. Ради меня. Чтобы все не зря — это я про твоего Аарона. Отыщи, поняла? И тогда я буду знать, что ушла не зря. Тогда я буду спокойна...»

Прежде чем убрать палец с телефона доктора Хатса, ошеломленная Райна долго смотрела на расстелившийся под звездным небом и тянувшийся до самого моря Ланвильский пейзаж.

Нордейл. Уровень четырнадцать.

Всю следующую неделю Мила вела себя безупречно. Не ворчала, когда Канн дважды уходил на краткосрочные задания и возвращался лишь под утро, — встречала его с улыбкой, обнимала за шею, ни о чем не спрашивала. Кормила завтраками, обедами и ужинами, терпела, когда от него несло табаком, не морщилась, если он курил на кухне и забывал открывать форточку, — проветривала ночью. Не гремела под дверью шваброй, не демонстрировала излишнюю удушающую свободу и даже сама спросила о том, не собираются ли они встречаться на очередном «семейном» вечере — мол, она желала бы проявить себя с другой стороны — более тактичной и менее навязчивой. Даже хотела испечь торт и извиниться перед Антонио.

Аарон хоть и опасался за результат, но взял-таки подругу и на совместный поход в кино, куда компания решила сходить гурьбой. Взял и не пожалел — Мила вела себя идеально. Смеялась над шутками Эльконто, дружески таскала попкорн из ведерка Халка, проявляла повышенное внимание не только к «девчачьим» разговорам, но и всему, что девочек напрямую не касалось.

Идеальная вторая половина, да и только; Канн потихоньку начал верить, что не ошибся с выбором.

Да, Милана другая — немного высокомерная, обожающая судить человека по внешнему виду, — но разве встречаются люди без недостатков? Он верил — притрутся. Пусть не сразу, пусть через некоторые ссоры или препирания, но они смогут научиться не только жить вместе, но и быть счастливыми.

Он старался быть оптимистом.

А потом... она принесла кольцо. Два кольца. Одно женское и одно мужское — парные. Тупя взгляд в пол и краснея, спросила, согласится ли он принять такой подарок? Надеть и носить украшение в память о ней, чтобы, мол, когда на душе станет грустно, можно было взглянуть на палец и вспомнить, что на самом деле он счастлив?

Канн надевать кольцо не желал — где это видано, чтобы мужчину «кольцевала» женщина? Настоячиво, с умыслом, прикрывая все это нежной душевной заботой? Но так как убедительных доводов так и не нашел, — а Мила в тот момент выглядела такой хрупкой и уязвимой, — украшение с тяжелым сердцем все-таки надел.

— Смотри, Канна «окольцевали»! Не думал я, что когда-нибудь такое случится!

— Ага, попался наш заядлый холостяк.

— Тоже «подцепился» на крючок.

— Крючком!

Ребята добродушно посмеивались. Подначивали друга, бесконечно шутили и — нет-нет — спрашивали о том, когда же состоится «официальная» церемония, и девичье кольцо сменится его — мужским и настоящим?

Аарон молчал.

Пил вместе со всеми в баре и не говорил о том, что он уже который вечер, возвращаясь домой, сразу же идет в спортзал и тренируется до седьмого пота. После принимает душ —

такой долгий, что Мила начинает капризничать, — а потом возвращается не в постель, нет, — а поднимается в кабинет, где якобы ищет работу.

Он и вправду искал работу — раз за разом просматривал объявления от гражданских в надежде подыскать себе мало-мальски стоящее «дело», — однако истинной причиной его поздних посиделок наверху являлась вовсе не работа, а самое обыкновенное нежелание смотреть ждущей внизу женщине в глаза.

В те самые глаза, которые молча спрашивали: «ну, когда же ты уже решишься?»

Когда?

Он не знал.

А потому, подобно кисейной барышне, ссылался то на усталость, то на головную боль (кто бы мог подумать? Дрейк бы засмеял...), то на несуществующую «занятость».

А после подолгу терзался чувством вины, глядя на то, как в его кровати одиноко спит, свернувшись клубком, оставленная без мужского внимания женщина.

* * *

*Ищу тебя... который год подряд,
Ни города, ни улицы не знаю,
Твой образ в подсознании воскрешая,
Бреду по лабиринту наугад.*

*Ищу зачем? Не ясно мне самой.
Возможно, ты меня уже не помнишь,
Девчонку, оказал которой помощь,
Не дал пропасть заснеженной зимой.*

*А я ищу — горит любви огонь,
Его теплом пытаюсь отогреться.
И помнит искалеченное сердце
Серьезный взгляд и теплую ладонь.*

(автор: Марина Яныкина)

Ланвиль. Уровень четырнадцатый.

Сколько бы Райна ни ломала голову по поводу того, какие еще меры ей предпринять, чтобы отыскать Канна, а ум так и продолжал оставаться пустым. В самом деле — справочники жителей она просматривала, детективов нанимала, к Информаторам обращалась, к Осведомителю — уникальному и единственному — тоже. А результата ноль.

Что еще сделать?

Она стала мало есть и еще меньше спать, уже через несколько суток заполучила темные круги под глазами, которые не маскировал ни один тональный крем, завязала с выпивкой и почему-то совсем перестала сидеть на крыше. Не желала больше жить иллюзиями.

Обещала Доре, что найдет его? Значит, найдет.

Вот только как?

Еще больше вопроса «как», ее занимал другой вопрос — зачем? Что она скажет ему, когда найдет? Как объяснит, что вообще искала?

И сама же себе и отвечала: а она вообще не будет ничего объяснять — ни к чему это. Ведь найдется — если найдется — совсем другой человек — не тот, которого она все это время помнила. Найдется Аарон, давно уже живущий своей жизнью, забывший ее, нашедший счастье в чем-то другом.

А она...

Она просто посмотрит на него. Еще раз. В последний раз. Запомнит милые сердцу черты, глядя не на воображаемую иллюзию, а на живого человека. Постоит рядом, подышит одним с ним воздухом. Глупо? Наверное. А после — какое бы решение ни маячило на горизонте — она уже не будет ни о чем жалеть. Ведь обещание, данное Доре, выполнено, и, значит, неоконченных дел не осталось.

Телевизор транслировал новости; Райна жевала сухой бутерброд.

Рид как-то сказал ей о том, что неплохо бы нанять повара, и она даже мысленно с ним согласилась, но до дела так и не дошло — то ли ее раздражали лишние люди в доме, то ли вместе с аппетитом зачах и энтузиазм. Повар в доме так и не появился.

Финансовый консультант, глядя на коробки от заказанной на дом еды, неприятную для хозяйки тему более поднимать не стал — в очередной раз получил вождеденные подписи на документах и тактично удалился.

Колбаса подсохла (кто-то в прошлый раз забыл завернуть ее в полиэтилен) и на вкус напоминала картон, хлеб хрустел на зубах перемолотой речной галькой. Гадость. Выйти бы и купить свежий, а заодно прикупить альбом для эскизов, но вдохновение вместе со смертью Доры безвозвратно ускользнуло — рисовать больше не хотелось.

Вообще ничего не хотелось.

В какой-то момент на экране мелькнул выходящий из белой машины человек в очках с квадратной оправой и с карими глазами, и сердце Райны пропустило удар.

Не он...

Не он.

Джокер давно мертв. Просто похож.

Создатель, помоги ей, но она до сих пор ненавидела белые машины, квадратные оправы и даже карие глаза, хотя большинство их обладателей ни в чем не провинились.

* * *

Он выглядел нормальным. В том-то и дело — совершенно нормальным человеком — симпатичным мужчиной. А так же был умным, образованным, хорошо развитым физически. Ну, кто бы мог подумать, что под аристократической и адекватной личиной, скрывается сущий дьявол? Нет, псих. Маньяк. Моральный урод.

— Я хочу с этим покончить.

— С чем?

— С нашими встречами.

Его взгляд заиндевел, черты лица будто заморозились, превратились в маску. И нормальность вмиг слетела.

— Я плохо к тебе отношусь?

— Не в этом дело...

— Нет, скажи, плохо?

— Иногда плохо.

Он не слышал. Не хотел слышать.

— ...даю мало денег? Покупаю мало вещей? Недостаточно балую? Зачем ты меня злишь?

— Я не злю.

— Злишь!

Райна вздрогнула и скукожилась на сиденье. Она хотела сделать все по-тихому и быстро — по-тихому расстаться, быстро уйти и еще быстрее забыть, что было связано с тем, кто сидел рядом, но не тут-то было — кошмар, по всей видимости, только начинался, а вовсе не желал заканчиваться.

Как же быть? Что сказать, чтобы ее отпустили? Что сделать, чтобы разонравиться ему — дьяволу в очках, преследующему ее по пятам?

— Просто дай мне уйти.

— Уйти.

Слово прозвучало так, будто она только что обидела его до глубины души, оскорбила. А еще, как нерадивый щенок, которого только что благостно приютили, накормили и обогрели, нагадила новому хозяину в любимые ботинки.

Но она не щенок. И она не гадила!

Нервно сглатывая слюну и изнывая от страха, Райна думала о том, что он когда-то нравился ей. Да-да, нравился.

Он. Джокер.

По крайней мере, когда они только встретились, он помог ей в главном — забыть Аарона. Нет, не так — не забыть, но какое-то время не вспоминать о нем, а ведь с этой задачей не справились ни выпивка, ни хваленый сервис «Забыть бывшего», где она зарегистрировалась, силясь верить в лучшее.

Смешно вспомнить — они старались ей помочь. На свой лад. Втихаря чинили в ее жизни проблемы и препятствия: заставили работодателя уволить только что устроившуюся на работу сотрудницу, сфабриковали заявление от фальшивой «жертвы» о том, что она сбила его машиной, — в те времена Райна еще водила (после отказалась), сумели организовать взрыв газового баллона в соседнем доме, который выбил стекла половине мирных жителей девятиэтажки, в которой она жила... Да, в те времена ей было не до Канна — возмещение ущерба потребовало и сил, и денег. А после, когда ничего не подозревающая о проделках аферистов клиентка пожаловалась на то, что забыть «объект» она так и не сумела, к ней домой прислали стриптизера.

Мудаки. Неужели они действительно верили, что влюбленная в конкретного мужчину женщина способна «клюнуть» на раскачанное тело совершенно незнакомого ей парня?

С Райной этот номер не прошел — незваного гостя она выгнала через минуту после того, как тот со словами «крошка, позволь я помогу тебе выкинуть всех бывших из

головы...», начал оголяться.

Уроды. Ну разве они не уроды?

А вот Джокер с поставленной задачей справился — временно заставил ее забыть всех и вся, кроме одного — себя любимого. Потому что Джокер ей поначалу, — теперь трудно представить, — нравился. Не просто нравился — она после долгой паузы, во время которой не реагировала ни на одного мужчину, против воли начала поддаваться его чарам.

А очаровывать он умел. Харизмой, напором, агрессией, в какой-то мере честностью — «зови меня Господином...». Умел заставить женщину хотеть его — манипулировал ее сознанием, умудрялся пробираться сквозь кожу в запретные зоны, жал на правильные кнопки, вызывал похоть. Невероятно, но в какой-то период Райне даже нравилось быть его «шлюхой» — ублажать, чувствовать себя грязной, но желанной, преданно заглядывать в глаза и ждать звонка. Ей даже нравилось его бояться.

Совсем не как теперь.

Дорогая белая машина казалась ей тюрьмой, водитель — надзирателем.

— Хорошая моя, знаешь, сколько у меня было до тебя женщин?

— Знаю.

Она не любила его руки с выпуклыми костяшками пальцев. Грубые руки — руки зверя.

— Я ведь тебе показывал их...

Показывал, точно. Как-то раз привез с собой фотографии всех своих «бывших» и с наслаждением рассказывал о том, что каждая из них упивалась радостью и счастьем, пребывая в роли «нижней». Райна этим рассказам не верила. А если Джокер не врал, и все эти модельного вида дамы — блондинки, брюнетки, рыжие — и впрямь наслаждались подобным обществом, то все они были откровенными дурами...

Как она теперь.

— Они ведь были красивыми, так?

— Так.

Она не желала ему перечить. Но их тупой диалог вел куда-то не туда, и от ощущения неправильности волосы на ее загривке вставали дыбом.

— И умными. Ты веришь, что они были умными?

— Верю.

Лживое слово встало ей, как рыбная кость, поперек горла.

— И если ты в это веришь, то понимаешь, что не права в том, что хочешь уйти. Столько женщин наслаждалось моей компанией, а ты нет? Это нехорошо, сладкая моя. И это злит.

Ей хотелось на свободу. В холод, под дождь, куда угодно. Прочь из этой машины и от этой компании, прочь из квартиры, из города, с Уровня. В эту минуту она отдала бы все до последнего цента и заложила половину души, лишь бы мужчина в очках навсегда пропал из ее жизни.

Умер.

— Давай я еще раз спрошу тебя. А ты подумай над ответом, хорошо?

— Хорошо.

— Хорошо подумай. И не торопись.

В горле пересыхало все сильнее. Ночь уже не казалась свежей, ночь казалась затхлой и прелой, как сырая могила.

— Ты ведь не хочешь уйти от меня, радость моя? Тебе ведь нравится моя компания, потому что ты любишь быть «нижней» и потому что я — твой Господин?

Прежде чем ответить, Райна долго молчала. Не потому что сомневалась в ответе, а потому что до коллик в животе боялась произнести его вслух. Однако раньше или позже ей предстояло это сделать.

— Нет, не люблю. И ты никогда не был и не будешь моим «Господином».

В тот вечер он впервые изнасиловал ее — жестко, в анус. А после, на скорчившуюся от боли и унижения помочился сверху.

* * *

Надкушенный бутерброд в руке застыл; телевизор Райна больше не смотрела. Вместо этого она вспоминала — зачем-то вновь погрузилась в тот кошмар, который случился с ней на Тринадцатом, да так и не забылся при Переходе.

Нет, забылся — частично, — но не весь. Из памяти выпало множество деталей и подробностей — в ней — в памяти, — как в изъеденном мышами сыре, появились зияющие дыры — прорехи и пустоты, пытаясь коснуться которых, она всегда испытывала головную боль.

Она бежала. В ту же ночь. Выбросила на помойку телефон, по которому ее могли выследить, наспех собрала сумку, с которой раньше ходила в спортзал, захлопнула дверь и отправилась, куда глаза глядят.

Кажется, к какой-то подруге.

Где та жила? Как ее звали, как выглядела? Все ушло — глухо. А после помнился приют для бездомных: рваные одеяла, жесткая лежанка, запах немых тел, жуткая, будто сваренная в мусорном баке из отходов, пища... Она скиталась? Да. Где-то пряталась, кантовалась, хоронилась подальше от чужих глаз. К друзьям не шла, наверное, потому что не желала их подставлять. Или боялась, что Джокер ее вычислит?

И были ли они у нее — друзья?

Нет воспоминаний. Ушли, как стертые вирусом данные. Вот только почему среди «нестертых» остался Аарон? И почему Джокер? Как самые сильные, сформировавшие психологическую зависимость?...

Додумать Райна не успела — в кармане завибрировал телефон.

— Вы по поводу завещания? Что-то в нем не так — мне стоит вернуть деньги?

Она опять ошиблась в скоропостижных выводах; высокий и долговязый юрист Доры, посетивший ее во второй раз, покачал головой.

За окном кабинета цвел погожий день, но солнечный свет, будто опасаясь нарушить мрачноватую атмосферу кабинета, проникал сквозь тяжелые портьеры осторожно; лишь два ярких пятна протянулись по паркету от стены почти до самого стола — остальное тонуло в привычной серости.

— Простите, я так и не спросила вашего имени.

— Франк Маннштайн.

— Очень приятно. Я... — она чуть было не сказала «Райна» и тут же прочистила горло, — Марго. Марго Полански.

— Да, я знаю.

Конечно, знает — он видел ее имя в завещании.

Райна откинулась на высокую кожаную спинку кресла, которая заканчивалась выше ее макушки, — не женское кресло, мужское. В нем она всегда чувствовала себя некомфортно.

«Как бродяжка на троне».

Зачем она вообще сохранила этот кабинет в том виде, в котором он изначально присутствовал в просторной квартире? Почему не переоборудовала его под что-то другое? Это все риэлтор — он так сладко пел про «имидж» и «престиж», что она в какой-то момент поддалась — по-новому взглянула на обшитую дубовыми панелями комнату и решила, что она ей — мрачная и мужская — по душе.

Оказалось, не по душе. Как и попытки с важным видом, сидя в гигантском кресле, пускать пыль в глаза.

Пыль давно кончилась. Важный вид рассеялся. А кабинет остался.

— Так чем обязана, мистер Маннштайн?

— Можно просто Франк.

Дружелюбный жест Райна оценила, однако называть юриста Доры просто Франком ни за что бы не решилась: сие предложение — просто вежливость, не более.

— Зовите меня Марго.

— Мисс Полански, с вашего позволения.

Обмен любезностями состоялся. Пришел черед переходить к делу — с формальностями покончено; чай был предложен еще на входе.

— Я вот по какому поводу, — Маннштайн огляделся в поисках кресла или стула, куда мог бы присесть, но, не найдя такового, притворился, что вовсе не удивлен. Стулья отсутствовали; юрист деловито приподнял брови и продолжил говорить. — Перед тем как покинуть этот мир, уважаемая мисс Дора Данторини попросила меня ознакомиться с кое-какими бумагами.

— Моими.

— Да, вашими. Документами.

— Приговором.

— В каком-то смысле.

— В прямом смысле, — Райна начала злиться — к чему ходить вокруг да около? — Да, Дора говорила, что у нее на примете имеется юрист, которому она собиралась передать для ознакомления мои бумаги. Я так поняла, что она их вам передала, а вы ознакомились. Ничего не нашли?

Она была уверена, что не нашел. Ни один самый умный черт в этом мире ничего бы не нашел там, где бралась за дело Комиссия...

— Нашел.

Райна ушам своим не поверила. Зависла, остолбенела и превратилась в компьютерный жесткий диск, которому только что стерли бут сектор.

Нашел? Что нашел? Не мог он ничего найти...

Франк с важным видом кивнул, вскинул кейс, который все это время держал в руке, достал из него копии ненавистных Райне бумаг. Подошел к столу.

— У вас есть лупа?

— Что?

Она, все еще не вышедшая из транса, продолжала смотреть на него, не моргая.

— Лупа.

— Да... сейчас.

В ящиках стола, куда она заглядывала лишь единожды при переезде на новую квартиру, нашлось все, кроме лупы, — блокноты, ручки, линейки, степлер, чернильница и перо, сантиметровая лента... черт.

— Нет лупы, простите. А зачем она?

— А вот зачем, — Франк положил на стол один из листов — кажется, последний, — склонился над ним, снял с носа собственные очки и использовал их в качестве увеличительного стекла. — Вот здесь есть мелкий текст, видите?

— Вижу.

— Вы его читали? Особенно тот, на который указывает расположенная на третьей странице сноска в виде звездочки?

Звездочки? Да там были тонны этого мелкого текста — длиннющие абзацы, — и да, она пыталась читать его. Дважды. Но оба раза начинала психовать от сложности построения текста, чувства обреченности и от того, что каждый раз уясняла лишь одно — у нее нет выхода, кроме как ходить с уродскими шрамами на теле всю оставшуюся жизнь. Нет его. **НЕТ! ВЫХОДА!**

— Читала. Но там... сложно.

Юрист не стал язвить. Кивнул.

— Да, сложно. Однако там кое-что сказано — кое-что важное для вас. И текст под сноской не всегда читаем — требуется определенный свет, — потому вы могли его не заметить.

Свет? Вот хитрецы. Мало того, что все напечатано минус десятым размером шрифта — да-да, тем самым, где и ползающей мухе потребуется лупа, — так еще и определенный свет им подавай.

«А он умен — этот Франк, — Райна вдруг взглянула на склонившегося над столом человека с залысиной на голове другими глазами. — Дотошный».

И впервые в ее уме это слово прозвучало комплиментом. Она так и продолжала смотреть на его лысину, когда Маннштайн оторвал взгляд от документа, моргнул и удивленно спросил:

— Так вы хотите узнать, что там написано?

— Конечно.

Да-да, хочет. Наверняка в этих напечатанных микроскопическим текстом абзацах сказано то, что ей положена амнистия — освобождение от наказания. Через пару тысяч лет, например. Вполне в духе Комиссии... Поганая шутка.

Райна боялась верить. Даже мысли об этом не допускала.

— Так вот, сноска на странице три указывает на определенный фрагмент текста, в котором описаны все случаи «но» или, как мы их называем — фронтальные возможности обвиняемого субъекта, наказание которого положено считать конгедениальным, а на самом деле...

Она уже запуталась.

— Ближе к делу, Франк, — Маннштайн мигнул — она все-таки назвала его по имени. — Там есть что-то полезное для меня или нет?

— Есть.

На это раз мигнула она.

— А вы можете рассказать мне об этом простым языком?

— Могу.

Он почти обиделся. Почти. Хотел продемонстрировать словарный запас профессионала, но привычно наткнулся на дилетанта. И с профессиональной выдержкой не стал обращать на это внимание.

— Там сказано, что обвинение с вас будет снято в случае, если вы предпримете одно действие.

— Какое действие?

Приползет к представителям Комиссии на коленях и будет стоять перед ними сорок дней и ночей кряду? Поклянется, что никогда и никого не будет больше убивать? Удавится в счет искупления грехов на собственной люстре?

— Посетите некий объект.

— Какой объект?

Ее голос внезапно охрип; внутрь против всякой воли начала заползать вера — вера в лучшее. А что, если...

Если он прав? И обвинение можно снять? Почему она — дура — не прочитала этот текст раньше? Почему не прочитала...

— Говорите, Франк.

Теперь ей больше жизни требовалось услышать продолжение. Неужели...

— Озеро Дхар.

— Озеро? Я должна посетить какое-то озеро?

— Да. Озеро Дхар.

И всего-то?

— И тогда обвинение потеряет силу?

— Сразу же, как только вы достигнете объекта и исполните ритуал омовения.

Омовения? Звучит глупо... Или слишком просто. Однако руки Райны уже дрожали так сильно, что из пальцев выпала дорогая ручка.

— А где... оно находится?

Маннштайн с гордостью выпрямился, поправил пиджак:

— Координаты даны во второй сноске под звездочкой.

Озеро.

Она больше не слышала его — она тряслась. От страха, от того, что боялась поверить. От того, что уже *начала* верить...

— Вы это... серьезно? Вы не шутите? Не разыгрываете меня?

Зачем-то поднялась из-за стола, попыталась склониться над бумагами, но поняла, что ничего не видит — не различает от нервозности буквы.

— И оно... будет снято?

Райна напоминала себе бабу-инвалида, не способную ни устоять на ногах, ни расслышать того, что ей говорили.

— Да. Как только вы... искупаетесь в этом озере.

— Шутка...

— Нет, не шутка. Я бы не пришел с «шутками».

— Не шутка?

— Нет.

— И шрамы уйдут?

— Не знаю насчет шрамов, но обвинение теряет силу, я в этом уверен.

Уверен.

— Уверены?

— Да, уверен. Я — профессионал, мисс Полански, и в вопросах трактования законов не ошибаюсь.

Она вдруг начала оседать на пол — больше не чувствовала ни ног, ни рук, ни головы — не чувствовала тела вообще.

Дора... Дора, ты подарила мне надежду. Заставила жить, заставила снова верить...

— Мисс Полански, с вами все хорошо?

Она приготовилась жить с этими шрамами вечно, приготовилась умереть с ними. Из-за них.

— ...может, воды?

— Нет-нет, ничего не нужно. Мне... нужно...

И она вдруг принялась тихо плакать.

— Я понимаю, вам нужно побыть одной, все обдумать.

Голос юриста доносился издалека, с другой планеты; Райна, дрожа, свернулась прямо на паркете — жалкая, ошеломленная, неспособная ни толком поверить, ни скрыться от проникшей внутрь надежды. И от той боли, которую эта надежда с собой принесла.

— Я запишу координаты на отдельном листе. Чтобы вам не искать. Мелкий шрифт...

Она не слышала его — ее будто оглушило.

Джокер не убил ее. Не добил. Остался шанс — шанс на спасение. Она плакала от боли и облегчения, от жалости к себе, от собственной глупости, от того, что когда-то не сумела дочитать бумаги, не додумалась отнести их к профессионалу...

— Я пойду. Вы всегда знаете, где меня найти. И простите, не хотел вас огорчать.

Он не огорчил. Не огорчил... Он только что спас.

Но дверь кабинета тихонько захлопнулась, а она так и не смогла ничего ему сказать.

Дрожащими руками набрала его номер лишь получасом спустя, когда вновь обрела способность двигаться и говорить. Извинилась, что так и не поблагодарила — даже не попрощалась по-человечески. Спросила, сколько должна ему за помощь, и получила лаконичный ответ:

— Вы мне ничего не должны. Я делал это ради Доры.

И услышала в трубке короткие гудки.

«Озеро Дхар согласно легендам является «мифическим источником» со святой водой, способной смыть с человеческой души грех...»

«Озеро Дхар согласно неподтвержденным данным из энциклопедии «Чудеса Мира Уровней» — пруд, воды которого имеют измененную структуру и свойства, влияющие на кармическую энергетическую составляющую индивида, совершившего в них омовение...»

«Озеро Дхар — точное расположение утеряно, либо засекречено...»

«Озеро Дхар — кто-нибудь был там? Оно вообще существует?»

Райна открывала и закрывала новые вкладки браузера и поражалась: озеро Дхар — миф? Легенда? Но у нее же есть точные координаты. Почему нет ни одной фотографии? Почему нет отзывов от людей, там побывавших? Почему нигде не написано, как к нему проехать? Туда вообще ходит какой-нибудь транспорт? Если нет, она наймет машину, яхту, самолет — что угодно, чтобы до него добраться.

«Чуваки, кто-нибудь что-нибудь знает про озеро Дхар? Или это все выдумки?»

«А ты кого-нибудь кокнул и хочешь выйти из воды чистеньким?»

«Я прочитал, что оно существует. Неужели нае№!?»

«Далось тебе это озеро. Сходи лучше на гору Лаолин — вот оттуда реально чудесный вид открывается...»

Разбросанные по сети комментарии наводили на мысли, что людей намеренно путали. Выдавали часть данных, чтобы породить слухи, но не давали главного — месторасположения.

«Угу, давали псу понюхать пахнущие колбасой руки, а саму колбасу прятали» — что за ерунда?

Отчаявшись найти что-либо полезное среди десятков просмотренных страниц, Райна вытащила из кармана бумажку с записанными координатами и открыла карту Четырнадцатого Уровня. Аккуратно, сверяясь с записями, вбила череду цифр в поисковую строку и получила ответ: «Данная точка не существует».

Не существует.

Ее трясло мелкой дрожью.

После ухода Маннштайна, стоило обрести хоть какую-то ясность ума, как Райна тут же бросилась к компьютеру и стала, словно жадный до воды нищий, пытаться отыскать об озере Дхар какую-либо информацию — что это, где что? Больше всего на свете ей требовалось к нему попасть, но не тут-то было — карта за картой выдавали сообщения об ошибке — «неверные координаты», «несуществующая широта — повторите ввод...», «данных не найдено», «ошибка при вводе».

Черт! Черт-черт-черт!

Долбаная Комиссия и тут постаралась — подарила надежду на исцеление и тут же попыталась ее отобрать. Почему все не может быть просто, ведь она уже достаточно страдала?

«Вам нужно совершить одно действие».

«Какое?»

«Омовение в озере Дхар».

«И все?»

«Тогда обвинение потеряет силу...»

Диалог с юристом Доры крутился в ее голове, словно пластинка, — да она бы хоть сейчас! «Омылась» (можно так сказать?) или «омовилась» в чем угодно — хоть в грязи, хоть в дерьме, хоть в измененных по своей структуре водах Дхар — лишь бы сработало.

Вот только как их найти? Эти воды?

— Не работает! — пожаловалась бы ей Райна.

— Думай, — жестко ответила бы Дора. — Если тебе дали координаты, значит, где-то это гребаное озеро существует!

— Я знаю, что существует, — взвилась бы Райна, — но не могу его найти. Нет этой точки на картах, нету!

— Ты на всех смотрела?

— На всех.

— Точно ни одной не пропустила?

— Не пропустила!

Старуха задумалась бы, закурила очередную сигарету, выпустила облако дыма и принялась бы рассматривать собственные перстни — она всегда их рассматривала, когда курила. Будто сомневалась, хорошо ли подобрала? Не стоило ли надеть другие? Гармонично ли смотрятся вместе?

— А ты уверена, что смотреть надо на Четырнадцатом уровне?

— Что?

Райна, потянувшаяся за маленьким, лежащим на серебряном подносе пирожным, поперхнулась бы...

Поперхнулась она и в реальности. Судорожно сглотнула, едва не закашлялась — ну, конечно! Координаты могли не находиться на картах потому, что они не принадлежали Четырнадцатому Уровню — Дора даже после смерти продолжала ей помогать.

«Ошибка ввода...», «Данные лежат за пределами координатной сетки» — все верно — за пределами! То есть не на Четырнадцатом.

А на каком?

Иногда Райна жалела, что живет так высоко — в окне всегда лишь небо, птицы и облака. Иногда ей хотелось видеть прохожих. Лежащие на тротуаре листья, стучащий по асфальту дождь, лица, одежду, пакеты, обувь — иногда ей хотелось рассматривать людей, слушать их, быть частью социума — того мира, к которому они принадлежат. А не сидеть, подобно заточенной в замке принцессе, и не смотреть с высоты птичьего полета — из изолированной клетушки — на реальную землю. Грешную и грязную, но такую притягательную.

Скоро. Уже скоро.

— Как я могу просмотреть карты других Уровней, если нахожусь на Четырнадцатом?

Воображаемый диалог в голове продолжался. Дора к этому моменту закурила бы вторую сигарету.

— А ты и не можешь. И не вздумай раскисать. С каких это пор, находясь «здесь», мы думаем, что не можем получить информацию о «не здесь»?

— А как?

— Как-как, — Райне казалось, она наяву услышала, как саркастично крикнул

старческий голос. — Каком кверху! А для чего я рассказывала тебе об Информаторах?

Информаторы. Точно. За деньги они расскажут тебе все или почти все. Конечно, если кто-то не наложил «обет молчания» по поводу озера Дхар.

Мысленно поблагодарив ушедшую в мир иной подругу, Райна скрестила на удачу пальцы и достала из кармана телефон.

— Вы готовы платить?

— Готова.

Им не требовалось называть номер ее банковского счета — они все знали сами. Сами называли сумму, сами списывали ее с баланса клиента. Как? Никто не знал.

— Задавайте вопрос.

Ее всегда поражал этот спокойный мужской голос — кому он принадлежал? Какому-то субъекту, сидящему, как Осведомитель, в полутемной комнате в одиночестве? Субъекту, окруженному полусотней телефонов? Витые шнуры, розетки, разноцветные трубки лакированных винтажных аппаратов — Райне мерещилось все, что угодно: от новомодного офиса на телефонной станции, до пустой каморки на дальнем краю Вселенной. Не спросишь же, как все выглядит на самом деле? Уж на такой вопрос точно денег жалко. Хоть и любопытно.

— Озеро Дхар. У меня есть координаты, но они не подходят Четырнадцатому уровню. Где оно находится?

К этому моменту, потеряв круглую сумму на глупых уточнениях и пояснениях в прошлом, она научилась четко и ясно формулировать вопросы.

За окном стемнело. Нужно выйти и купить что-нибудь или заказать еду на дом — ей отчаянно хотелось есть.

— Уровню «B2Z».

— Что, простите?

— Хотите заплатить дважды?

— Нет, — она поспешно сглотнула и, забыв, что ее не видят, помотала головой.

— «B2Z»? Я верно услышала?

С нее не стали брать двойную сумму. Смилоствивились.

— Верно.

Она замолчала. Глухо билось в груди сердце — дорога к озеру начала вырисовываться.

— Хотите спросить о чем-то еще?

Да... Да... Ей нужно много о чем спросить: «где находится этот Уровень?», «Как к нему добраться?», «Что взять с собой?», попросить совет «на дорожку». Однако, зная, что заплатит круглую сумму, Райна не торопилась произносить что-либо вслух.

— Я перезвоню.

— Конечно. Всего доброго.

— И вам.

В трубке спокойным пульсом зазвучали короткие гудки.

«B2Z» — что это за Уровень? Закрытая зона? Секретное место? О таком она точно не узнает из сети — придется раскошелиться за дополнительные данные. Спускаясь на лифте, Райна формировала в голове список вопросов, которые собиралась задать при следующем

звонке.

«Действительно ли озеро существует?»

Глупо спрашивать — если назвали место, значит, существует.

«Сумеет ли она достичь его в одиночку? На чем?»

Это уже два вопроса.

«Почему его не могут найти другие люди?»

Об этом вообще не стоит интересоваться — не ее дело.

«Опасаться ли ей каких-либо препятствий на пути?»

Спросить ли их совет «на дорожку» или же не стоит? Ведь могут подсказать что-то ценное. Или очень ценное. А за такое и денег не жалко.

И самый главный: «А сработает ли он — этот хваленый источник?»

«Если в бумагах написано, что сработает, значит, сработает. Ты не веришь Комиссии?» — раздраженно проворчал в голове голос Доры, и Райна улыбнулась.

С ней было легче — с Дорой. С ней она была не одна.

— Спасибо, — прошептала пассажирка лифта хромированной стене. — Спасибо, что не ушла от меня насовсем.

Когда двери распахнулись, в уме сформировался не только первоначальный список вопросов Информаторам, но и список того, что при внезапно проснувшемся аппетите Райне хотелось бы съесть.

Жизнь потихоньку налаживалась.

Она тысячу лет не сидела в кафе.

Разговоры, шутки, переглядывания, смешки, общение — кафе являлось территорией «живых», и потому путь сюда был заказан. Здесь к ней за столик мог кто-нибудь подсесть, завязать разговор, попытаться стать «другом», а потом и чем-нибудь большим — Райна не имела права рисковать. Как умела, спасалась от душевной боли.

Чистил фильтр от блестящей паровой машины бармен; на стене отсвечивал в свете ламп ряд бежевых, размещенных за стеклом картин.

А что, если человек ей понравится? Нет, не любовь, но просто симпатия — это ведь всегда вопросы «как живешь?», «чем дышишь?», «а почему именно так?», а после обида, потому что она не ответит. Не захочет и внутри уже никого не допустит.

Тогда зачем начинать?

В «Майоне» в душу не лезли — туда каждый ходил за своим, но это «свое» никогда не включало искреннюю заинтересованность в ближнем. А здесь, на земле, люди еще оставались людьми — здесь умели любить, ценить, проявлять заботу, предлагать помощь — здесь умели оставаться настоящими.

Райна сидела за самым дальним столиком, присосавшись к чашке горького кофе так плотно, будто от непрерывности мелких глотков зависела жизнь, и рассматривала посетителей.

Впервые за долгое время решила выбраться из золотой клетки в нижний мир — еще не перешагнула невидимую черту «одна»/«не одна», но уже занесла над ней стопу. И теперь выглядывала из-за чашки — два круглых глаза, свисающая на глаза челка, дрожащие вокруг горячего фарфора пальцы.

Кофе был отстойным.

Куда более качественный напиток она могла заказать на дом из «Лайе» или

«Кофферино», но этот — именно этот прогорклый вкус в данную минуту наполнял ее жизнью.

Она вышла на запретную территорию. Наружу.
Решилась.

Раньше у нее были друзья — много друзей. Имена и лица не помнились — помнились ощущения. Были встречи, вечеринки, тусовки, посиделки в барах — когда-то рекой лилось пиво, в голове гулял ветер, а в дырявом и пустом кармане почти всегда валялась таблетка дешевого экстази.

Когда-то были ссоры, встречи и расставания — море переживаний, вспышки радости и гнева, дикие мечты, необузданные желания, потребность однажды зачем-то разбогатеть, купить себе все, что только можно купить за деньги.

Укутавшаяся в кофту Райна шагала по сырому тротуару, глядя на отражения в лужах; над городом висела пленка из прозрачных облаков — дождь закончился. На остановке стоял мужик — ждал автобус, — состоящая из молодняка группа курила и хохотала у закрытого входа в магазин одежды.

Разбогатела.

Купила ли все, что хотела? Нет. Осознала, что самое важное ни за какие шиши не купить — не выйдет. Дружба — это чувство. Любовь — чувство. А чувства не покупаются и не продаются, увы — ни во флаконах, ни в таблетках, ни в каком-либо ином «спрессованном» для удобоваримого приема внутрь виде.

— Эй, девушка! Не хотите прокатиться?

Рядом с ней, шурша по мокрому асфальту шинами, остановилась желтая спортивная машина.

— Могли бы посидеть где-нибудь в баре? Что думаете?

Райна коротко и быстро помотала головой. Свернула в первый попавшийся переулок и зашагала быстрее.

Здесь, внизу, она становилась живой слишком быстро.

* * *

«Для того, чтобы добраться до озера, вам сначала придется добраться до восточной окраины Четырнадцатого Уровня, пройти через Портал, а затем миновать еще три зоны: Уровень B2X, LM, BF и сам B2Z. Шансы на то, что вы сможете добраться и вернуться назад самостоятельно 0.2 %, то есть почти нулевые. Помимо этого вам не добыть карты этих Уровней, а так же санкционировать проходы через остальные три Портала».

Именно такими словами при следующем звонке ответил ей Информатор, и Райна до скрипа сжала пластиковый корпус телефона в пальцах.

— Как же мне тогда быть? Есть ли возможность туда попасть? Как?

Она понимала, что почти скулит, но ничего не могла поделать. Сейчас ей либо помогут, либо попросят очередную круглую сумму и вновь отделаются запутанной парой слов. Но на том конце проявили человечность — дополнительных денег не попросили:

— Есть. Вам нужно нанять проводников. Желательно опытного стратега, который просчитает для вас необходимый маршрут, и пару крепких ребят с профессиональной

военной подготовкой в качестве телохранителей. Тогда ваши шансы увеличиваются до 24 %. Вот только стратег должен быть опытным — об этом я уже сообщил.

— А как я отличу — опытный он или нет?

— У него будут ключи от Порталов. И карты. Нет карт — не нанимайте.

— Поняла, — Райна быстро и нервно дышала, силясь сообразить, о чем еще спросить, прежде чем завершить звонок.

— А где мне нанять стратега? Как его найти? Как вообще это делается?

Она вновь чувствовала себя глупой и напуганной девчонкой, оставшейся в полном одиночестве.

— Сайт «ФорсСкуадрон».

— Ясно.

Между собеседниками возникла непродолжительная пауза. Потом заговорил Информатор:

— Не тратьте лишних денег — вся информация у вас есть.

— Правда? Я боюсь...

Она жаловалась невидимому собеседнику почти как другу, позабыв о том, что часом ранее размышляла на тему его человеческого происхождения.

— За следующие вопросы мы возьмем с вас дополнительные деньги.

— Я поняла. Поняла. Спасибо вам.

И Райна завершила звонок.

Сайт «ФорсСкуадрон» кто-то нарисовал исключительно в черных тонах с хаки-фоном в шапке. Логотип с автоматом и ножом, исключительно мужская лаконичность дизайна — ей даже мерещился идущий от букв запах пороха.

Райна отыскала раздел «Нанять» и теперь кропотливо и вдумчиво заполняла поля.

В графе наниматель выбрала пункт: «Частное лицо».

В разделе «Заказ» — «Разовый».

«Спецификацию задачи» пояснила коротко: *Требуется профессиональный стратег. Разработать маршрут, проводить до озера Дхар и обратно. Плюс двое опытных мужчин с военной подготовкой* — решила, что остальное при необходимости доскажет по телефону.

Долго думала, что поставить в «Сумме вознаграждения» и выбрала пункт «Не ограничено».

Да, это привлечет всех, включая непрофессионалов, но так же привлечет и профессионалов. Плюс, ее научили, как отличить первых от вторых, и потому беспокойство временно утихомирилось.

Все? Она все написала? Не добавить ли чего-то еще?

Пробежав глазами по заполненным полям, Райна указала данные для связи и с легким и одновременно тяжелым сердцем — теперь только ждать — закрыла страницу.

Выдохнула. Какое-то время смотрела на яркую голубую, расчерченную неровными квадратами заставку рабочего стола, после чего выключила компьютер.

Ждать.

Ждать.

А сколько... ждать?

Она давно не позволяла себе этого — смотреть на отражение собственного обнаженного

тела. Боялась новой волны душевной боли, и потому залепила зеркало в ванной — ту его часть, что отражала все то, что ниже шеи, — плотной клейкой бумагой.

Обрывки которой теперь лежали на сиреновом кафеле.

Самый толстый шрам тянулся от ключицы и до лобка. Рыхлым кратером бороздил правую грудь — разделял ее почти надвое, — уродовал сосок, миновал в нескольких миллиметрах пупок и заканчивался над темными кучерявыми волосками. Вспученный, некрасиво зарубцевавшийся, с отметинами от вынутых позже хирургических ниток. Еще две выемки от битого стекла, что некогда глубоко вошло в кожу, виднелись на животе — они тоже срослись уродливо — остались бордово-розоватыми, несимметричными, будто мятыми. Два шрама под ключицей, один на руке, несколько мелких на боку; она выглядела не человеком — выброшенной на помойку куклой, с которой до того немилосердно позабавился хозяин-самодур.

И ладно это. Хуже всего срослась промежность — та ее часть, которая при падении с высоты оказалась пробитой шипом металлической арматуры. Именно эта рана положила конец любимым мечтам о том, что кто-то мог бы любить ее с закрытыми глазами и в темноте.

Не мог бы.

Потому что попросту не смог бы проникнуть внутрь.

Шрамы на теле, пусть не сразу, но срослись — потребовалось почти полгода. Еще полгода понадобилось на то, чтобы ее перестал беспокоить поврежденный желудок и ударенная почка — до того правый бок немилосердно дергало по ночам. Срослась кожа, срослись ткани, срослись мышцы.

Не срослась душа — ее раны до сих пор оставались живыми и кровоточащими. Из-за них, а не из-за уродств на теле, Райна прежде хотела позвонить доктору Хатсу. Из-за них разучилась мечтать, верить в хорошее, считать себя достойной чьей-то любви. Из-за них мечтала навсегда заснуть.

А этим вечером впервые снова смотрела на себя в зеркало.

У нее есть шанс — небольшой, но есть.

Две десятых процента, если она отправится в путь самостоятельно. И двадцать четыре процента, если найдутся правильные люди.

Вдох. Выход. Полные надежды и страха глаза.

Через минуту задернулась полупрозрачная белая занавеска; зашипела, вырываясь из душевой головки, горячая вода.

Нордейл. Уровень Четырнадцать.

Парное кольцо — символ единения, безусловной любви, переплетения женского и мужского начала. Парное кольцо — всегда обещание: любить, оберегать, защищать, уважать, заботиться, холить и лелеять друг друга, что бы ни произошло. Все вместе. Всегда вместе.

Он так и хотел. Чтобы сразу в сердце, словно стрелой в десятку, и навечно. И, может, именно потому этим вечером достал из сейфа коробочку и теперь, откинув крышку, рассматривал два блестящих ободка с переплетенными на каждом буквами «АК».

Кольца выдавались всем мужчинам, но с инициалами — лишь избранным.

Каждый, кто работал на Дрейка, получил с инициалами, и почти все они — его друзья и коллеги — уже отыскивали свою вторую половину, уже вручили заветные кольца дамам, а те с трепетом носили их.

Остался только он — Аарон. Не хромой, не рябой, не уродливый (если не считать шрама на виске), но почему-то до сих пор одинокий. Как знать, в чем причина, — в нем самом? Не пришло время? Не настиг долгожданный поворот в жизни, когда словно из ниоткуда появляется вдруг она?

Он ждал. Видит Бог — он ждал.

А теперь сидел в кабинете, держал в руках коробочку и рассматривал золотые переплетения букв на обруче собственной судьбы.

Мила. Она ждет.

Может, пора?

Она влетела в кабинет неожиданно, хоть он каждый раз просил стучать — распахнула дверь, заперхнула внутрь и с порога затрещала сорокой:

— Арни, милый, мы с девочками собираемся в кино — ты пойдешь с нами? Ты ведь обещал, что познакомишься с ними. Может, это случится сего...

Фраза оборвалась на середине, стоило Миле увидеть в его пальцах коробочку. Ее лицо моментально изменилось — стало будто восковым и оплыло — рот распахнулся, глаза сделались лаковыми, повадки мягкими и кошачьими, а весь вид будто говорил: «Это мне? Арни, это мне?»

Аарон озверел.

— Я просил не входить в мой кабинет без стука? Просил?! Давай, иди! Вон отсюда!

Его уже не заботили правила приличия. Ведь он, и правда, просил, так в чем проблема? Для нее он, что ли, держал эту коробочку? Для нее любовался кольцами?

Может быть. Или нет. В конце концов, он еще не решил!

А она подумала, что уже решил, так как из кабинета удалась без обид и с замершей на лице улыбкой — руки порхают, а в глазах мечта.

— Черт бы тебя подрал, — изрек Канн вслед удаляющейся фигуре. — Неужели так трудно стучать?

Как только дверь захлопнулась, он поднялся с кресла, вернул украшения в сейф, зло сплюнул и процедил:

— И не называй меня Арни. Терпеть этого не могу.

Нет, она не была плохой — наоборот, хорошей. Идеальной, почти без недостатков — красивой, заботливой, ласковой. Тогда почему он злится? Почему, вместо того чтобы кричать на свою будущую «вторую половину» (от этой формулировки у Канна заныли челюсти), он не засмеялся ее нетерпению, не привлек к себе, не поцеловал? Почему они не повалились на ковер, не занялись вместо чертовых походов в кино любовью? Почему не сжали до сладкой боли друг друга в объятьях, не залюбовались друг другом, не поклялись никогда-никогда — до самой гробовой доски — друг друга никогда и никуда не отпускать?

Он чертов романтик — вот почему. Хуже Эльконто.

Хмурый, brutальный, молчаливый и часто ворчащий. И романтик.

Тьфу.

Привычно заворчалось внутри чувство вины. Сегодня Мила вернется из кино счастливая, потому что будет ждать. Теперь уже точно будет ждать. А завтра, скорее всего, устроит ему ужин при свечах, наденет свое лучшее платье, будет ласковее некуда. Обовьется вокруг талии руками, вокруг шеи удавкой и вокруг сердца вьюном.

Он нужен ей — значит, любит?

Если любит, значит, правильная женщина?

Если так, может, стоит отдать ей это чертово кольцо, и камень с души? Может, просто нужно решиться?

Камень, однако, не зная того, что ему пора бы уже сгинуть прочь — свалиться с сердца куда-нибудь вниз, — становился все тяжелее и тяжелее.

Следуя принципу: работа — лекарство от всех болезней, Канн — подавленный и удрученный — зачем-то вновь принялся просматривать объявления от гражданских. Надеялся найти настоящую работу? Бред. Но Дрейк помогать не спешил — отправлял на задания всех по очереди — Чейзера, Халка, Дэлла, даже Логана, а его — Канна — словно намеренно держал дома.

Тожe хотел, чтобы он сделал Миле предложение?

От этой мысли делалось зло и муторно. Так муторно, наверное, должно быть дворовому псу, которого лаской и вкусной едой приучают к цепи и ошейнику.

Ничего. Мы еще повоюем.

Это объявление зацепило его внимание чем-то странным — несуразностью? Чрезмерной краткостью описания? Глупостью содержания? Или же тем, что его автор, будучи, вероятно, человеком крайне неумным, поместил в конце текста сообщение о том, что бюджет на выполнение задачи неограничен?

Ну, разве так пишут? Так не привлекают профессионалов — так привлекают падких до легких денег лохов. И вообще, неужели до какого-то гребаного озера требуется построить особенный маршрут?

Взгляд серых глаз раз за разом пробежал по белым на черном фоне сайта «ФорсСкуадрон» строчкам:

«Требуется профессиональный стратег... Плюс двое опытных мужчин с военной подготовкой...»

Мужчины с военной подготовкой, чтобы довести кого-то до озера?

Что-то было во всем этом удивительное, несочетаемое. Как будто явный посыл, содержащийся в строках, утаивал более глубокий, настоящий смысл сообщения.

Профессиональный стратег. До озера Дхар и обратно.

А что, до какого-то озера так трудно прийти, что нужно почти что кричать всему миру: «Заплачу за помощь любые деньги?» ЛЮБЫЕ ДЕНЬГИ! Не пропустите!

Нет, автор объявления либо придурок, либо это все ловушка — надувательство, — и в реальности от работяг потребуется совершенно иное — такое на его памяти уже случилось.

Пусть ловятся идиоты.

Аарон раздраженно выдохнул, откатился в кресле от стола, поднялся и отправился на кухню, чтобы покурить.

Озеро Дхар — где оно находится?

Он просто хотел посмотреть, и потому через пару минут уже снова сидел за компьютером. Это Четырнадцатый? Здесь, в Нордейле, в окрестностях?

Через семь с половиной минут Аарон уже хмурился куда сильнее — где, черт возьми, находится указанное автором объявления место?

Озеро Дхар, озеро Дхар, озеро Дхар... В открытых источниках ничего — черт.

А становится все интереснее...

Спустя четверть часа попытки отыскать что-либо в общем доступе были брошены — в ход пошли карты с грифом «засекречено».

— Нет, это не Четырнадцатый... И не тринадцатый... И ни один из Уровней с Первого по Двадцать пятый. Вот, елы-палы, загадка...

Канн не замечал, что лихорадочно вчитывается в страницы, что нервно стучит пальцами по столу, или того, что его мозг вдруг незаметно для него самого включился на полную мощность.

Озеро существует — он был в этом уверен.

Вопрос: где?

А, может, этот самый странный работодатель не такой уж и лох, и прийти по указанным координатам вовсе не так просто?

— Все страньше и страньше, как поговаривает Бернарда...

Аарон перебирал одну карту за другой, неустанно открывал и закрывал вкладки, извлекал на свет не предназначенные для чужих глаз файлы.

И к двум часам ночи, наконец-то, обнаружил странное название Уровня, о котором раньше никогда не слышал.

«B2Z».

Мила спала в углу кровати и с улыбкой на лице — даже во сне грезилась об их счастливом дне, — а он и думать про нее забыл. Вместо этого с упоением набирал один телефонный номер за другим и вопрошал одно и то же:

— Рен, ты когда-нибудь слышал про «B2Z»? Нет? Странно.

— Баал, ты знаешь про такую хню, как озеро Дхар? Нет? И я нет.

— Халк, а ты? Что? Картограф? Да он опять не в городе, и черт знает, где его искать...

— Дэйн...

— Мак...

— Стив...

— Логан, можешь вычислить для меня координаты одного места? Буду очень признателен, чувак. Нет, не сейчас, можно к утру.

В постель Аарон улегся лишь к трем часам ночи — довольный и насквозь пахнувший табаком. Поворочался, натянул на себя оставшийся свободным конец одеяла и почти сразу же уснул.

* * *

Пористые, круглые, равномерно промазанные маслом блины выглядели так же аккуратно, как и Мила этим утром. Уложенные в прическу локоны (во сколько она встала, чтобы накрутить их?), розовый кружевной пеньюар, обновленный маникюр и педикюр — все в тон, — идеальный макияж.

Милу хотелось не трахнуть — Милу хотелось поставить на витрину магазина.

Цветочный парфюм перебивал и запах ванили, и аромат кофе, и аппетит. Напрочь. Аарон улыбался одной из тех улыбок, которые можно наклеить на лицо и не снимать, пока что-нибудь не треснет.

Зачем же так духариться?

«Идеальные» блины казались слишком сладкими.

— Как спал, дорогой?

— Отлично.

Плоский экран в кухне транслировал канал релакс-упражнений для поддержания здорового в теле духа и почему-то раздражал Канна — куда с большим удовольствием он бы сейчас посмотрел новости.

— Поздно лег вчера?

— Да, засиделся.

— Работал? Или играл?

Да в рот ему ногу — он вообще ни во что никогда не играл, не помнил такого. Нет, врал — в последний раз «рубился» с Эльконто в Сириану. Месяц назад. И только один раз.

— Смотрел объявления.

— Нашел что-нибудь?

— Возможно.

Стоило ее лицу омрачиться выражением «только не говори, что подыскал себе очередную опасную задачу», он поспешил перевести тему в безопасное русло:

— Как вчерашнее кино? Хорошо посидели с подружками?

— Отлично! — Мила проплыла по кухне, покачивая бедрами так же аккуратно, как совершала все остальное, — влево под определенным углом, вправо под определенным углом, — налила себе зеленого чая и уселась напротив. — Фильм был чуть скучноватым — непродуманным по сценарию, мне так кажется, а вот в кафе мы посидели на славу. Грета и Тамми все спрашивают, когда я представлю им тебя официально...

«Никогда», — подумалось ему быстрее, чем включилась логика. Узнавать, кто такие Грета и Тамми, не хотелось. *Наверняка такие же холеные и аккуратные дамы, как Мила.* Манекены для витрины.

— ...может, пригласить их к нам на ужин? Что думаешь?

Ужин при свечах? А как же он — отменяется?

Она — хитрая лиса — не торопилась. Она была умна.

— Как-нибудь пригласим.

Розовый рот, розовая помада — после нее на чашке Милы всегда оставался блестящий отпечаток нижней губы.

— Арни, может, съездим куда-нибудь вдвоем? Раз у тебя сейчас отпуск, почему бы нам...

— У меня не отпуск. Сейчас я иду на встречу с Начальником, потом буду занят.

— Но ты же говорил...

— Я говорил, что нахожусь в режиме ожидания.

— А как долго он тянется?

Всю жизнь.

— Столько, сколько нужно.

Ответ вышел грубым, не совсем таким, каким полагалось быть милому утреннему диалогу, протекающему на фоне релакс-канала.

— Значит, сегодня ужина не будет?

— Извини.

— Но...

— И не зови меня Арни.

Кофе он не допил, толстый блин не доел — тот блестел так же пикантно, как руки сидящей напротив женщины после нанесения двух кремов, которые стояли в ванной на полке.

У нее есть ключ. Почему у нее есть ключ от его дома?

То было последним, что он подумал, прежде чем полностью одетый не вышел — выбежал за дверь.

Ему нужна работа. Ему нужна любая гребаная работа. На сутки, двое, трое, лучше на неделю, чтобы, как говорил Баал, «отвлечься башкой» и хорошенько обо всем подумать, сидя за завтраком не напротив нее и вдыхая приторный запах духов, а жуя сухой паек где-нибудь в заднице мира. На другом Уровне, и хорошо бы другой Вселенной.

Мечты.

Если этим утром Дрейк снова отправит его чистить урны, Канн взорвется, ей-богу. Он больше не может сидеть на жопе, он должен что-нибудь сделать — в идеале что-нибудь полезное, в худшем случае бесполезное. Но, чтобы не дома.

А еще он должен выяснить, что это за странное место, о котором не знает никто из его друзей, — Уровень «B2Z».

* * *

— О-о-о, ты все-таки решился почистить урны возле Реактора?

Канн был готов к такому началу беседы, и потому отреагировал дозволенным в присутствии официального лица дружелюбным оскалом.

— Никак нет, Дрейк!

— Садись. Перекусишь, выпьешь что-нибудь за компанию?

Начальник отыскался вопреки обыкновению не в собственном офисе, а в ресторане на углу Сорок второй, куда любил иногда заходить, — в дальней, зарезервированной специально для его визитов кабинке. Деревянные перегородки, вьюны, мягкие и удобные диваны — ненавязчивый, завуалированный под провинциальный уют комфорт.

— Я позавтракал дома, спасибо.

— Блины?

Аарон подивился — откуда Дрейку известно про блины? Он ими пахнет? Или пахнет Милиными духами?

Буду звать ее Милкой. Вот, если хоть еще раз назовет меня Арни...

Он на всякий случай протер тыльной ладони рот, уселся на диван напротив, с интересом взглянул на стоящие на столе тарелки: сырную нарезку, салат, гренки.

— Приятного аппетита.

— Угу.

Начальник взирал на визитера с любопытством и затаенным в глубине серо-голубых глаз смешком. Обычный с виду человек — простой посетитель ресторанчика «Ведино» — такой же, как и множество других. *Не подозревающих о том, что по соседству с ними обедает Творец мира Уровней.*

От этой мысли Канн усмехнулся — как обманчива жизнь.

— Так что привело тебя сегодня ко мне? Если не урны.

— Не урны.

Стратег сложил руки на стол и взглянул на Дрейка с ответным любопытством.

— Озеро Дхар.

— Ух ты!

Прежде чем за столом прозвучало что-то еще, внимание досталось и гренкам, и салату, и вину.

— И почему оно?

— Да нашел кое-какую работу по объявлению. Может быть.

— Работа — это хорошо. А ты беспокойный, Канн. Может быть, даже очень — от кого бежишь, осмелюсь спросить во второй раз?

— От себя.

— Ясно, — Дрейк отодвинул салат и замер в ожидании. — Так что ты хочешь узнать об этом озере? Что было в том объявлении?

Подошел официант, поинтересовался, что подать новому посетителю, — тот коротко качнул головой — парень в униформе удалился.

— Начальник, что это за место — «B2Z», что за Уровень такой, о котором мы ничего не знаем? И что за озеро?

— Так расскажи про объявление.

— Ах, да... Кто-то желает нанять стратега, чтобы проложил маршрут туда и обратно. Желает, чтобы его проводили до места люди с военной подготовкой.

Дрейк какое-то время молчал; Канну показалось, что тот рассматривает что-то в воображении — считывает данные об авторе сообщения? Все может быть.

— Понятно. Так с чего начать — с Уровня?

— С чего угодно.

— Ладно, — сегодня Начальник однозначно пребывал в отличном расположении духа, и гость мысленно выдохнул с облегчением. Когда приходишь с вопросами, никогда не знаешь, какой из них станет той миной, что оторвет тебе конечность. Озеро, похоже, не из их числа — не мина. Пронесло. — Уровень «B2Z» — один из экспериментальных Уровней — незавершенных, — на которых расположено n -ное количество уникальных объектов, созданных мной по молодости. В те времена, когда я творил все, что взбредет в голову.

— По молодости?

От такой формулировки Канн почему-то опешил.

— А ты не веришь, что я был молодым?

— Вы и сейчас не старый.

— И все-таки я был молодым, поверь мне. Моложе, чем сейчас. И гораздо более творческим и рискованным, нежели сейчас.

Аарону против воли в уме привиделся юнец в серебристой форме и почему-то с усиками — он взмахивал руками, и огромное количество Вселенных вращалось вокруг его ладоней.

Мда.

— Усиков у меня не было.

— Хорош читать мысли!

Начальник — что случилось крайне редко — широко улыбнулся.

— И все-таки усиков у меня не было.

— Все, буду думать исключительно про морские волны! Или кирпичную кладку, как в фильме с пришельцами.

— Не поможет, — глаза человека напротив смеялись. — Ладно, про Уровень. «B2Z» — секретная зона. На нем, как я уже сказал, находится некоторое количество объектов, которое я по собственному усмотрению решил скрыть от глаз большинства.

— Тогда как о нем узнал человек из объявления?

— Значит, кто-то его туда послал.

— Кто?

— Комиссия, очевидно. Больше некому. Тем более, если это озеро Дхар, — за столом на некоторое время повисло молчание; Дрейк отпил вина. — Видишь ли, некоторое время назад я задался вопросом, возможно ли создать такой тип энергии, который бы воздействовал на кармическую составляющую человеческого поля — конкретного индивида — и очищал бы ее. Если не полностью, то хотя бы частично.

— Не понимаю.

— Иными словами, «смывал» бы грехи. Переписывал в информационном потоке то, что отвечает за формирование будущего воплощения и создания на основе предоставленных данных трудностей и уроков для постижения.

— В следующем воплощении?

— Ну да.

Дрейк рассуждал обо всем с такой легкостью, будто речь шла не о далекой и загадочной для Канна карме, а о прошедшем в воскресенье футбольном матче.

— И вы создали такой тип энергии?

— Создал.

В сознании опять возник пресловутый юнец с усиками — на этот раз с горящим от собственного могущества взором.

— Аарон, представляй лучше кирпичную кладку.

— Понял. Простите.

Стратег покраснел.

— В общем, я на самом деле влез на божественную территорию — на запретную. Нельзя за кого-то смывать грехи — каждый должен отвечать за них сам. Однако есть люди, за которых ты готов понести ответственность, ибо веришь, что они способны измениться в лучшую сторону, либо оступились по глупости. Тогда ты можешь предоставить им

возможность «очищения», заявив наверх, что это твое — продуманное, осознанное и принятое в определенных условиях — решение.

— И для этого вы создали озеро?

— Ну, сначала оно не было озером. Была просто энергия, чем-то похожая на воду, и я решил, что неплохо бы добавить антураж — естественные условия хранения, каменистое дно, симпатичный пейзаж и прочее. Я был... романтиком.

В чем Канн откровенно сомневался, так это в том, что Дрейк Дамиен-Ферно когда-либо был романтиком. Вот, откровенно говоря, сильно сомневался.

— Я же говорил, что был молод.

— Не настолько же.

— Настолько. Но это не важно. Озеро появилось. Однако вскоре стало очевидно, что давать к нему доступ большинству, мягко говоря, опрометчивый поступок — я не был готов нести ответственность за каждого, кто по случайности сунет туда палец или голую пятку — мне это не нужно. Потому озеро Дхар было перемещено в пространстве на отдельный Уровень с названием «B2Z». Я ответил на твой вопрос?

— Да. Скажите, а какие еще экспериментальные объекты расположены на этом Уровне?

— Так я тебе все карты и раскрыл. Но шастать по нему в разных направлениях и проверять крайне не советую — это может быть опасно. Сильно опасно — просто поверь мне на слово. Да и в озеро без разрешения не лезь.

Аарон кивнул.

— А если я возьмусь за ту работу, вы дадите мне карту «B2Z»? Чтобы я не «шастал» в разных направлениях?

— Дам. Отчего же не дать? Не урны же тебя, в самом деле, чистить посылать...

Дались ему эти урны.

Не глядя на Канна, Начальник поднял вверх правую руку, и их кабинка моментально отделилась от остального зала полупрозрачным мерцающим щитом — «нам не нужны лишние глаза», — а над столом развернулась объемная карта нескольких Уровней; Аарон моментально пришел в восторг.

— Видишь? Вот «B2Z», — палец четко указал на одну из висящих в воздухе плоскостей. — Озеро находится вот тут.

Запомнить, надо все запомнить.

— Не утруждайся. Файл упадет тебе на почту. К «B2Z» можно пройти через три Портала.

— Не напрямую?

— Создатель, упаси — не напрямую, ни в коем случае. Первый находится на краю четырнадцатого Уровня — вот здесь, — и ведет на пустую строительную, как я ее называю, «площадку». Там тихо, пусто и немного жутко. Через нее придется пройти.

— Опасности?

— Никаких. Кроме воздуха. А, точнее, его недостатка — с этим ты разберешься.

— Да уж.

Аарон удивленно крикнул — а если бы Начальник не предупредил? Интересное, однако, вырисовывается путешествие. Необычное.

— С «площадки» ты попадешь на LM.

— Что это?

— Уровень: Магия.

— А как же бабка? И Портал, через который когда-то прошла Марика? Почему не через него?

— Потому что, не имея специального приглашения, перехода не получится, а приглашения ни у тебя, ни у того, для кого ты будешь строить маршрут, нет.

[Купить полную версию книги](#)